Господин изобретатель

Автор:
Анатолий Подшивалов

Господин изобретатель

Анатолий Анатольевич Подшивалов

Попаданец (АСТ)

Конец XIX века, время непростое. Сознание Андрея Степанова не вселяется ни в императора, ни в цесаревича, ни в великого князя, ни даже в захудалого графа. А вселяется оно в обычного молодого человека, который даже не дворянин, а неудавшийся юрист, да еще купеческого рода.

«Вселенец» не спецназовец, не снайпер, не владеет единоборствами, песен про поручиков и кавалергардов «сочинять» не хочет. Дед его – купец первой гильдии, но отказал всем от дома, и к нему еще предстоит найти подход. По специальности Андрей – математик-программист, кроме того, работая в фармацевтической компании, он нахватался по верхам кое-каких знаний в химии. Историю знает крайне отрывочно, точных дат не помнит, только ведущие события и общий ход истории. И что делать с такими навыками в конце XIX века?.. А за себя и державу – обидно.

Анатолий Подшивалов

Господин изобретатель

© Анатолий Подшивалов, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Уважаемые читатели!

Поскольку предлагаемое вашему вниманию произведение относится к жанру «Альтернативной истории», поведение и личностные характеристики реальных исторических персонажей являются вымыслом автора и вариантом их поведения в другой реальности, равно как и случайным является сходство второстепенных героев с реально существовавшими людьми, и автор за это ответственности не несет – это же фантастическая художественная литература.

Также прошу учесть, что описание получения различных химических соединений, в том числе взрывчатых, не соответствует реальному (автором сознательно исключены многие детали и промежуточные каталитические реакции), поэтому не пытайтесь их повторить.

Пролог

Проклятая «ковидла», подумал Андрей Андреевич Степанов, отставной подполковник и кандидат наук, а ныне никому не нужный и больной пенсионер, проснувшись июньским утром 2020 года в городе-герое Москве. Таким утром хорошо бы погулять в парке, подышать относительно чистым воздухом, но вот беда – прогулки в парках запрещены распоряжением мэра города, да и от дома дальше ста метров скоро без бумаги, распечатанной с сайта Госуслуг, не отойдешь. Обидно, ведь в парке он ни с кем разговаривать не собирается, только пройтись по дорожке, а теперь приходится сидеть дома и ждать, пока гиподинамия и духота не изведут под корень всех, кому за шестьдесят пять. Но вот в магазин за хлебом выйти надо, это, слава богу, еще не запрещено. Больше в магазин идти некому – Андрей Андреевич живет один, жена с ним развелась лет двадцать назад и уехала в Америку, забрав дочь и разменяв квартиру. Теперь он доживает дни в «хрущобе» в районе Кузьминок, хорошо хоть парк рядом. Дочь за последние десять лет навестила один раз, а теперь только пишет поздравления к Новому году и дню рождения, исключительно по электронной почте.

Нацепив на лицо медицинскую маску – эффективность этого мероприятия, по мнению Андрея Андреевича, весьма сомнительна: маска препятствует

распространению инфекции от носителя к людям, его окружающим, но мало защищает от вирусов того, кто ее носит, и вообще, толк от них будет тогда, когда поголовно все будут носить эти маски. Но вот как раз начальство предпочитает респираторы, которые прекрасно защищают носящего их, но через выпускной клапан выбрасывают на население все микробы, которые начальствующее лицо имеет честь выдыхать в атмосферу. Так что все «противоэпидемические меры», как всегда, поставлены с ног на голову, но Андрей Андреевич, как гражданин законопослушный и верноподданный, не собирается спорить с лицами, власть предержащими – себе дороже выйдет с его-то здоровьем. А здоровье у героя нашего повествования очень даже так себе: большая неоперабельная опухоль сдавливает перекрестие зрительных нервов на основании черепа, и поэтому Андрей Андреевич не имеет периферических полей зрения, и ему нужно быть особенно осторожным, переходя дорогу. На улице Юных Ленинцев движение не очень интенсивное, а в период объявленного властями карантина машин стало еще меньше, к тому же Андрей Андреевич задумался о том, что еще можно и нужно купить в магазине на оставшиеся до пенсии небольшие деньги, и, совсем потеряв бдительность, он поздно повернул голову влево при переходе улицы. Визг тормозов, вспышка в голове, и последнее, что он услышал: «Мужчину сбили!», «Вот гад, задавил и уехал…», «“Скорую” скорее вызовите!» Потом наступила темнота…

…Сколько я был без сознания, не помню, очнулся, приоткрыл глаза и подумал: «Наверно, я в больнице, но почему все так кругом расплывчато… Меня прооперировали? Голова очень болит!»

Я попытался вспомнить, что со мной произошло – вышел из дома, подошел к наземному пешеходному переходу, затем удар и провал в темноту. Что со зрением, неужели окончательно накрылось? И кто так громко молится, поминая святых угодников – впечатление, что молитва раздается прямо в голове…

– Сашенька очнулся и открыл глаза! Генрих, иди же сюда! Мария Владиславовна, где вы?

«Что со мной, какие ещё Сашенька, Генрих и Мария Владиславовна? В палате телевизор, что ли, орет?» – подумал я. В ответ в голове раздалось: «О боже, опять…»

Я поднес руку к глазам, но с трудом смог увидеть свои пальцы, тогда кто-то нацепил мне на нос очки, и я увидел худую некрасивую женщину, лет тридцати пяти, с серыми внимательными глазами на вытянутом лице, волосы на голове ее были забраны в какой-то узел или пучок с гребнем, одета она была в глухое серое платье со стоячим воротником и мелкими пуговицами на нем. К ней подошел мужчина, которому можно было дать около сорока лет, с длинными светлыми прямыми волосами, в очках. На нем бы длинный пиджак, кажется, его называют сюртук. Мужчина обратился ко мне с вопросами, как я себя чувствую, могу ли я говорить и что у меня болит, причем говорил он по-немецки, но я все понимал. В ответ, опять-таки прямо в голове, раздалось:

– Дядюшка Генрих, у меня очень болит голова, говорить я могу, но мне тяжело это делать. А где маменька?

– Я здесь, сыночек мой ненаглядный, – в комнату вбежала женщина, которая принялась меня целовать и обнимать.

– Генрих, что же вы стоите столбом! – заговорила на повышенных тонах вошедшая женщина, обращаясь к светловолосому Генриху. – Позовите доктора, он велел сразу послать за ним коляску, когда Сашенька очнется.

– Сей момент, Мария Владиславовна! – ответил Генрих и рысцой понесся вон.

– Братец, прости меня! – в комнате появился здоровенный парень в чем-то таком, что мне напомнило слова «кафтан» и «поддевка», в общем, так купцов изображают в пьесах Островского.

– Ах, Иван, молись, чтобы Сашенька выздоровел, не тревожь его, – одернула Мария Владиславовна здоровяка, сунувшегося было ко мне.

Тут я опять услышал тихий голос внутри головы: «Дайте мне отдохнуть, пожалуйста». И свет опять померк. Вот тебе и да! Прямо какая-то пьеса из дореволюционной жизни… Но при чем здесь я? Тут я опять почувствовал, что кто-то молится внутри головы: «Господи, спаси и сохрани, спаси и сохрани раба своего Александра!»

– Кто ты? – задал я вопрос невидимому набожному собеседнику.

– А ты кто, почему ты здесь, во мне? – я опять услышал голос в голове, но не мой. – Я сошел с ума? Почему я слышу этот голос?

Так, мой собеседник явно молод и, похоже, не на шутку напуган. Надо постараться его как-то занять и развеселить. Главное – не напугать еще больше, а то парень и правда, свихнется.

– Молодой человек, отвечать вопросом на вопрос как-то невежливо. Хотя, поскольку я здесь в гостях, представлюсь первый, хоть я и старше. В общем, наплюем на этикет и будем проще. Нет, ты не сошел с ума, и я вроде тоже, хотя не пойму, почему я в тебе и слышу, как ты молишься. Что же, представлюсь: Андрей Андреевич Степанов, подполковник военно-воздушных сил в отставке, 1957 года рождения. Возможно, мы даже родственники, поэтому после катастрофы я попал в твое тело.

– Ваше высокоблагородие…

– Отставить, давай без чинов. Можешь звать меня «шеф», так ко мне обращались твои сверстники, когда я служил в Испытательном институте Авиакосмических сил и занимался авиационной и космической медициной. С тобой все в порядке, бес в тебя не вселился, хочешь, к иконе приложусь и перекрещусь, хотя я, скорее всего, в того Бога, принятого в ваше время, не верую, но все же верую в высшую силу, которая дает возможность людям оставаться людьми. То есть совсем уж атеистом я себя не считаю, хотя в наше время большинство жителей России в Бога не верует, а исповедует какое-то обрядовое христианство, недалекое от язычества, то есть в церковь иногда ходят, свечки ставят, постятся, яйца на Пасху красят, не зная, зачем это и откуда пошло. Одновременно с этим верят астрологам, лечатся у колдунов и вместе с крестиком обвешиваются амулетами от сглаза и болезней – то цветную ленточку на запястье повяжут, то медный браслетик наденут…

– Шеф, так вы из двадцатого века? И как там у вас? Здорово, даже у Жюль Верна такого нет, чтобы два человека из разных веков так запросто могли беседовать друг с другом! Да, конечно, я тоже представлюсь, а то неудобно получается – все же вы старше, да еще офицер. Александр Степанов, 22 года, окончил юридический факультет Императорского Московского университета, помощник присяжного поверенного.

– Погоди, Саша! Я даже из двадцать первого века, но давай постепенно разберемся и после обо всем поговорим. Главное, не афишировать то, что нас пока в тебе двое (я все же надеюсь, что меня как-то вернут обратно в мое время), а то ты загремишь в психушку, – я понял, что надо объяснить термин понятными юноше словами. – Ну, то есть в лечебницу для душевнобольных с шизофренией, сиречь – раздвоением личности. Я так понимаю, что внутри мы можем беседовать друг с другом, не привлекая внимания окружающих, а вот говорить может кто-то один. Давай пока ты общайся с родными и врачом, а я послушаю так, как будто меня нет. А потом я отвечу на все твои вопросы.

– Нуте-с, молодой человек, как себя чувствуем? – раздался бодрый голос, и я открыл глаза.

У кровати сидел человек средних лет с бородкой и усами, он как раз вынимал из жилетного кармана часы, намереваясь, видимо, посчитать пульс. Ага, вот и доктор-бодрячок! О чем-то они переговариваются с Генрихом на латыни. «Контузия церебри» – то есть ушиб мозга, не слишком ли круто? Я бы поставил диагноз сотрясение, то есть «коммоцио церебри», но неизвестно, сколько я был без сознания. Ага, вот уже и «я» – начинаю отождествлять себя с реципиентом. Доктор довольно бегло осмотрел меня, рефлексы не проверял, в том числе и глазодвигательные, что я бы на его месте непременно сделал для исключения внутричерепного кровотечения, и произнес:

– Что же, продолжайте лечение. Холод на голову – пузырь со льдом и полный покой. Успокаивающие капли «Лауданум», – слышался оптимистичный голос доктора (ну прямо весельчак доктор Ливси из мультфильма «Остров сокровищ»). – Через пару дней загляну к вам, а если состояние больного ухудшится, не дай бог, – зовите.

С тем доктор откланялся.

Какой «Лауданум»?! Это же настойка опия! Дрыхнуть с нее непременно будешь, может даже и с глюками, но ведь так и привыкнуть можно! Хотя в это время капли с опием были даже в виде лекарства для слишком беспокойных детей, и врачи их рекомендовали. Да и в аптеках по рецепту обычного врача отпускали и кокаин, и морфий, и еще черт знает что. И наркоманов вроде не было в России так, как сейчас, когда шприцы на всех лестницах и в подворотнях валяются. Водочки народу хватало, чтобы по мозгам бить, а опий китайцы курили, но до них отсюда далеко, и мода не прижилась. Но мой хроноабориген молодец, не

испугался вселенца, как же – парень Жюль Верна читает, привык уже к чудесам на уровне подсознания.

Тут к кровати приблизилась давешняя худая некрасивая женщина и поднесла к моим губам ложечку с микстурой. Саша проглотил, потом как-то еще ответил на ее вопросы уже заплетающимся языком и заснул. Интересно, но меня опий «не пробрал», ясность мышления осталась. Может, от того, что я не физическая, а, так сказать, духовно-нематериальная сущность, но про духовные вопросы потом, сначала разберемся с местом и временем.

Глава 1. Попал так попал, или Немного о реципиенте

Итак, «юноша бледный со взором горящим»… Кое-что Саша мне рассказал о своей семье, надо же хоть знать Who is who? Кстати, как я понимаю Сашин немецкий, так и он понял английскую фразу, не изучая «инглиш», то есть способность к языкам передается, и это хорошо, так мы минимум удвоили языковой багаж (по максимуму, может, и больше, если он хорошо успевал в гимназии по латыни и греческому, а также знает еще какие-то языки). О себе пока я не распространялся, больше слушал Сашу.

Хорошо, что он сейчас сладко спит под опийной настойкой, есть возможность подумать о собственной дальнейшей судьбе. На него опий действует гораздо сильнее, видимо, как на «кровного» владельца тела, я же вообще не испытываю сонливости, скорее, наоборот – хочется действия. Голова у меня уже почти не болит, все же молодое и, хочется думать, здоровое тело восстанавливается гораздо быстрее, чем если бы меня, сердешного, приложило головой в прошлом моем обличье. Назад мне, скорее всего, пути нет, умер я там, солнечным июньским утром 2020 года. Здесь же мне досталось молодое, хотя и нетренированное тело юноши с комплексами и плохим зрением, не слишком обремененное знаниями, все же мой реципиент закончил университет по второму разряду и был вынужден быть на побегушках у присяжного поверенного, по-нашему адвоката. До самостоятельной практики ему как пешком до Китая и, как он признался, первое впечатление от реальной юриспруденции оказалось негативным: все дела, на которые он собирал для мэтра данные и готовил бумаги, касались жуликов из купеческого сословия, которые реально были виновны, но надеялись избежать тюрьмы и каторги,

заплатив адвокату, специализирующемуся на подобных процессах. Присяжный поверенный и взял-то Сашу в помощники из-за того, что помощник происходил из именитой купеческой семьи и мог бы поставлять ему клиентов. Защитой неимущих из податных сословий этот поверенный не заморачивался, так как даже по казенной разнарядке за защиту крестьян и мещан платили сущие гроши, а вот купцы и фабриканты несли поверенному солидные гонорары, лишь бы не попасть на каторгу за воровство на государственных подрядах. Видя, что мэтр успешно защищает отъявленных жуликов, Саша разочаровался в юриспруденции, свою же практику он не мог получить, не отработав минимум пять лет помощником поверенного, так что свое вынужденное безделье он встретил даже с некоторым облегчением, как подарок судьбы.

Вообще-то поверенный несколько заблуждался в способности Саши поставлять ему богатых клиентов. Сашин дед, действительно, был московским купцом первой гильдии, владельцем, как бы сейчас сказали, холдинга, состоящего из сукновальной и ситценабивной фабрик, представительств и складов в пяти основных городах Империи и трех десятков лавок. В Москве и Петербурге у Ивана Петровича, а так звали деда, были большие магазины, торговавшие первоклассным товаром, кроме своего, еще и привозной иностранной мануфактурой. В регионы шли ткани попроще, в основном ситец для небогатых крестьян и мещан. Поскольку Иван Петрович уже более двадцати лет состоял купцом первой гильдии и был награжден большой золотой шейной медалью на анненской ленте «За полезное» по причине трудов праведных на поприще благотворительности и попечения неимущих, то ему и его детям Александром II было пожаловано почетное потомственное гражданство.

У деда была дочь Елизавета, та, что замужем за Генрихом, затем родились сыновья – Павел (отец Александра и Ивана) и Николай. С женитьбой детей получилась неувязка – старшие пошли против воли отца. Это случилось уже после смерти жены (бабушки Саши), которая умела успокаивать крутой нрав купца-первогильдейца. После смерти жены характер Ивана Петровича стал еще более несносным, судя по описанию Саши, он походил на купца Дикого из драмы Островского «Гроза». Кроме того, Иван Петрович происходил из старинного купеческого старообрядческого рода, с незапамятных пор жившего среди подобных купцов-старообрядцев на Рогожской заставе в своей слободе со своей церковью и кладбищем. У старообрядцев царили патриархальные нравы, без родительской воли никто не женился, часто жених и невеста видели друг друга только в церкви и до свадьбы не общались – все за них решали родители. В этом тоже была своя слабость таких семей – наследники дела, будучи уже взрослыми людьми и имея своих детей, не могли принимать самостоятельных решений,

оглядываясь на волю родителей и опасаясь их гнева. Но как деловые партнеры рогожские купцы славились верностью слова и своих не обманывали никогда, разве что никониан-табашников, да и то не всегда.

То, что главы семейств лет до пятидесяти и более могли не давать самостоятельности детям в ведении дел, объяснялось и отменным здоровьем старообрядцев, не куривших и не употреблявших алкоголь. Начало расколу в семье положила старшая – Елизавета. Она получила неплохое домашнее образование (отец мечтал выдать ее с большим приданым за какого-нибудь обедневшего дворянчика, польстившегося на капитал), музицировала, неплохо пела, знала немецкий и французский, но была некрасива, и предложений от дворян не было. Но тут она познакомилась с владельцем аптеки, куда ходила за сердечными каплями для матушки, Генрихом Циммером, магистром фармации и третьим сыном прусского мелкопоместного дворянина, уехавшим на заработки в далекую Россию. Молодые бросились в ноги отцу, он, правда, поорал для виду, что за еретика-лютеранина дочь не выдаст, но Елизавета уже засиделась в старых девах, к тому же Генрих принял православие, и молодые обвенчались. Злые языки говорили, что бедный немчик герр фон Циммер позарился на купеческие деньги, однако уж очень большого приданого он не получил, но, похоже, новобрачные искренне любили друг друга и скупердяйство папаши-купца их не особенно напрягало. Я заметил, что, когда Елизавета, устав, задремывала, а она почти постоянно находилась подле Саши, поила его и кормила с ложечки бульоном, поправляла на голове пузырь со льдом и всячески следила за состоянием племянника, Генрих, сидя на стуле рядом, обнимал ее и гладил по руке. Когда она засыпала, он на руках относил ее на диван в углу, укрывал пледом и сам дежурил, пока жена спала. Аптека Генриха была недалеко, так что он часто навещал нас. Саша называл Генриха дядей, поскольку он был мужем его тетки Елизаветы.

Окончательный удар по патриархальному семейству нанесла женитьба будущего Сашиного отца. Павел Иванович влюбился в польскую красавицу Марию Владиславовну Ловитскую, и она ответила ему взаимностью. Родители Марии умерли, из родственников остался дядя, служивший по почтовому ведомству где-то в Привисленском крае, с которым Мария не поддерживала особо теплых родственных отношений, но телеграмму с просьбой руки племянницы ему Павел Иванович отправил, не получив, впрочем, ответа. Может, тому виной был шляхетский гонор, как же, какой-то купец-московит, но и Мария была бесприданницей, давая уроки французского в Первопрестольной, лишь бы свести концы с концами. Дед пришел в ярость – опять еретики, на этот раз католики, а может, вообще, жиды-христопродавцы, фамилия Ловитская ему

напомнила Левицких, но вот отчество невесты – Владиславовна – как-то на еврейское не походило. А деду было все равно, он только накручивал себя, несмотря на то, что Павлу он собирался передать дело и видел в нем способного негоцианта. Тем не менее Мария приняла православие, и они с Павлом обвенчались. Дед выделил молодым пару лавок с товаром и сказал, чтобы они на глаза больше ему не показывались. Павел Иванович рьяно взялся за дело и скоро разбогател, его капитал составил более 8 тысяч рублей, и он получил права купца второй гильдии. Дело в том, что дед выделил две лавки с товаром как часть своего капитала, самому деду с избытком хватало на первую гильдию (капитал от 20 тысяч рублей), а вот отцу он предложил самому достичь этого порога. Впрочем, он не был таким уж недостижимым, отец прикупил третью лавку в Нижнем Новгороде и удвоил капитал менее чем за четыре года. Благодаря знанию языков и коммерции (он окончил коммерческое училище), отец успешно вел дела с иностранными партнерами.

Беда, как всегда, случилась внезапно. Когда Саша учился на первом курсе университета, отца привлекли к суду по делу о торговле контрабандной мануфактурой. Были задержаны греческие контрабандисты, поставлявшие в Одессу мануфактуру партнерам отца, и он попал под подозрение за сбыт запрещенного товара незаконного происхождения. Пусть ничего не удалось доказать, Павел Иванович так и остался свидетелем по делу, не перейдя в разряд обвиняемых, но репутация и здоровье были подорваны, и через год отец скончался от сердечного приступа. Дела стал вести старший сын, Иван, который, так же, как и отец, окончил коммерческое училище, но получалось у него не очень. Кроме того, для покупки товара отец брал деньги под залог, и для возвращения долга пришлось продать две лавки из трех, продать дом и один из флигелей, в другом флигеле и проживала сейчас семья Саши.

Во время учебы Саша давал уроки, принося домой около 15 рублей в месяц, семья жила совсем небогато, если не сказать бедно – торговля в единственной оставшейся лавке шла вяло, да еще взнос в гильдию предстояло платить – около полутора тысяч рублей, а то понизят в статусе до третьей гильдии. Хотя Иван, видя, что Саше пришлось оставить службу у поверенного, заявил, что сделает для поправки здоровья брата все и, если надо, пошлет его на лечение в «санаторию» и оплатит любых докторов, но это было попыткой загладить вину, денег на лечение не было. Случившийся одновременно у нас удар по голове у Саши был «заслугой» старшего брата, давшего субтильному братцу затрещину, от которой тот упал и приложился об косяк двери, потеряв сознание. Сашка, конечно, сам отчасти виноват, обозвав старшего брата тупицей, но рука у Ивана тяжелая, а мозгов и правда немного. Иван испугался, что убил брата, закричал,

сбежались домашние, к счастью, в гости пришли Генрих с Елизаветой, они оказали какую-то помощь, приложили лед, который принесли с ледника в подвале, и позвали врача. Иван же почти сутки простоял на коленях перед иконой, моля за брата.

Вот такая мне досталась семейка, теперь дождемся, когда реципиент пробудится от наркотического сна.

Глава 2. Двое в одной коробочке, или Беседы попаданца с хроноаборигеном

Я почувствовал, что Саша проснулся. Была ночь, в доме тихо, в кресле дремала Елизавета, и только теплился огонек лампадки перед иконой. Я обратился к Саше:

– Как ты? Голова не болит?

– Нет, только есть хочется.

– Это хорошо, значит, ты пошел на поправку, но Лизу мы пока будить не будем.

– Хорошо, шеф. А как там, в будущем-то? И что за авиакосмическая медицина?

– Да по-всякому в будущем-то. Авиа – это от авиации, воздухоплавание по-вашему, только воздушные шары летят по воле ветра и медленно, а металлические самолеты – это аппараты тяжелее воздуха, военные и гражданские, летают со скоростью по три-четыре тысяч верст в час, и даже больше, и могут пролететь половину земного шара без посадки. А космос – это межпланетное пространство. Авиакосмическая медицина помогает людям привыкнуть к условиям таких полетов и обеспечивает работоспособность пилотов, управляющих такими аппаратами.

– Здорово, значит, у вас летают к другим планетам?

– Пока люди высадились только на Луну, а беспилотные аппараты-автоматы были на Луне, Марсе и Венере, один даже вышел за пределы Солнечной

системы. Кстати, Россия первой, в 1961 году, успешно послала в космос человека и вернула его обратно на Землю.

– Шеф, выходит, вы были офицером воздушно-межпланетного флота?

– Можно сказать и так, только здесь мои знания никому не нужны, воздушного флота пока нет, первый аэроплан полетит в САСШ только в 1903 году и всего на пятнадцать сажен. Капитан первого ранга Можайский в России на двадцать лет раньше построил большой аэроплан с паровой машиной, только он не полетел – мощности машины не хватило.

– А кто у вас сейчас царь? И какой год?

– А царя, Саша, у нас нет. У нас выборный президент, ну, как здесь в САСШ. Была революция, и Россия стала республикой (это я предварил вопрос: а куда делся царь, зачем травмировать мальчика). Год 2020-й от Рождества Христова. А здесь, как я понял, 1889-й?

– Да, разница более чем на век с четвертью. А война будет?

– Будет, Сашенька, за эти сто тридцать лет еще много войн будет, и я хотел бы, чтобы их было меньше и меньше русских людей погибло. Ты мне поможешь в этом?

– Конечно, шеф, можете располагать мной.

– Мы и так одно целое, не знаю, надолго ли, все же есть надежда, что я как-то вернусь в свое время. А теперь отдохни, тебе еще сил набираться надо. Хотя постой, похоже, Лиза проснулась, попроси чего-нибудь поесть.

– Лизонька, дай что-нибудь покушать, очень хочется.

– Конечно, милый Саша, сейчас принесу тебе бульон с пирожком.

После того, как мой реципиент съел, на радость Лизе, три пирожка с мясом, запив чашкой бульона и стаканом сладкого некрепкого чая, его опять сморил сон. Сквозь полузакрытые веки я смотрел на кроткую Елизавету – ее некрасивое

лицо светилось радостью, вдруг она улыбнулась, впервые за это время, и я понял Генриха – чудесным образом дурнушка превратилась в принцессу.

Ну, хватит сентиментальности, еще слезу пустишь от умиления. Как в чем-то биологу, мне было интересно, что сам-то я голода до этого не испытывал, но когда Сашка наелся, то чувство насыщения как-то передалось, и мне тоже захотелось задремать, что я и сделал.

Глава 3. Куды бечь?

В смысле – что делать? Извечный вопрос русской интеллигенции, которая сейчас как раз в периоде становления. Хорошо, что первый извечный вопрос отпадает: «Кто виноват?» Никто не виноват, просто так получилось, так я Саше и объяснил. Ну, пока он опять спит, подумаю я о «делах наших скорбных».

Конечно, я читал фантастические повести о всяких попаданцах-вселенцах, надо же читать развлекательную литературу на пенсии, что-то вроде сказок для детей старшего школьного возраста и выживающих из ума «пенсов», хотя вроде и некоторые солидные взрослые люди этим балуются. Насколько я понял, сейчас на «здешнем дворе» июнь 1889 года, царствование императора Александра Третьего «Миротворца». С точки зрения «попаданчества» мне не совсем свезло – не вселился я ни в государя-императора (хотя вроде через пять лет он помрет и царем станет Николай, в будущем «Кровавый»), ни в великого князя, ни даже не то что в захудалую титулованную особу вроде какого-нибудь графа, а вообще в дворянина. То есть пробиться к «царской тушке» шансов у меня практически нет, по крайней мере сейчас.

Кроме того, в романах о попаданцах все они сущие Рэмбо, мочат всех подряд, стреляют белке (или еще кому-нибудь) прямо в глаз с двухсот саженей, владеют всеми мыслимыми приемами боевых единоборств и побеждают всех на своем пути «одной левой и еще до обеда». Я же пистолет Макарова видел на стрельбах раз в году, никакими приемами не владею и никого за всю жизнь не убил и даже не покалечил. В армию я попал двухгодичником после Физтеха, но потом как-то прижился, тем более что у меня неплохая математическая подготовка, а поскольку уже тогда появились достаточно мощные ЭВМ, то быстро овладел программированием, но вот здесь моих навыков по программированию точно не

нужно. Сначала были космические войска, затем Испытательный институт ВВС, где я стал старшим научным сотрудником и кандидатом биологических наук – да, такая опция для инженеров в нашем богоспасаемом заведении существовала, нужно только было сдать биологию как специальность в рамках экзамена кандидатского минимума. В институте занимался математическим моделированием сложных процессов в организме, а именно вопросами пределов прочности позвоночника при ударных перегрузках: сначала космос – посадка спускаемых аппаратов, а потом работы по ударным перегрузкам подстегнула война в Афганистане – спасение экипажа при посадке вертолета на авторотации. После вынужденной демобилизации – новое армейское руководство закрыло космическое направление института, оставив сравнительно небольшой центр для обеспечения авиации, и то уволив с должностей старших научных сотрудников и ниже, всех, кто в погонах, и заменив их гражданскими, которые ничего не понимали в военной специфике.

На «гражданке» работал в отечественной фармкомпании, занимаясь математическим скринигом перспективных молекул – кое-чего в фармации и химии я нахватался, но по верхам, глубоко этим занимались химики-технологи, а потом они просили отсеять молекулы, потенциально опасные и, наоборот, полезные для медицинского применения с точки зрения имеющихся баз данных. Вывод – для нынешней эпохи без наличия компьютера мои знания стремятся к нулю.

Конечно, закон Ома для участка цепи я помню и спаять какую-нибудь несложную схемку при наличии элементной базы могу. Только где она, элементная база? Телеграф уж пятьдесят лет как известен, беспроволочный того и гляди изобретут, но красть изобретение у Попова как-то нехорошо, все же соотечественник.

А хотелось бы как-то помочь России не впасть в период ненужных войн и революций… Постой, телеграф… Там же электромагнитные реле! Можно сделать что-то похожее на машину Штибица, но, с учетом моего послезнания, более интересную. Конечно, нужно будет несколько сотен реле, не менее пяти-шести сотен, а лучше тысячи. Пусть реле стоит червонец, сейчас это все-таки хай-тек и то на весь девайс семь-восемь тысяч рублей надо, а кто их даст, если бизнес родственников на ладан дышит. Спас бы госзаказ, но кому нужен такой вычислитель? Это нужно еще заинтересовать венценосных особ и князей, а они вроде особым умом не были отягощены. Хотя от такого устройства могла быть польза для сложных инженерных расчетов, управления артиллерийским огнем

(во Вторую мировую похожие системы продвинутого уровня использовались для стрельбы ПВО), опять-таки криптография и взлом шифров, да мало ли что еще, например банковские расчеты, перепись населения, вообще всякая статистика. Остается построить квази-ЭВМ на свои деньги, продемонстрировать образец большим дядям в погонах и получить госзаказ.

То есть «рояля в кустах» у меня нет, как в некоторых романах, где попаданец утаскивает с собой в прошлое планшет, а то и компьютер, набитые полезными программами, книгами, справочниками и схемами, вплоть до чертежей и технологий производства автомата Калашникова и промежуточного патрона к нему. А дальше – танки, многомоторные бомбовозы, дредноуты (хотя нет, как раз дредноуты под британским флагом святого Георга полагается топить нещадно), подводные лодки и авианосцы: и вот японцы, турки и всякие прочие немцы бегут и задирают лапки, прося пардону. Россия водружает флаг над Святой Софией, проливы наши, всем навешали люлей и все нас навсегда боятся. Главный герой осыпан наградами и титулами, а то и сам становится великим князем, даже если начинал с нуля. Только вот авторы подобных романов забывают о том, что Российская империя в конце девятнадцатого века – отсталая в технологическом плане страна, машины и механизмы приходится завозить иностранные, техников, не говоря уже о квалифицированных рабочих, умеющих читать чертежи, нет, так кто же эти чудеса техники сотворит? Неграмотный крестьянин от сохи, которого вчера научили держать напильник – вот он вам и напилит… Сначала нужно дать народу образование, общее и специальное, а чтобы это сделать, нужны социальные реформы, а то дело закончится революцией. Но с этим – не ко мне, а к «хозяину земли русской» царю-батюшке.

Так что чудо-оружия я не создам и в Царьград или в Багдад на белом верблюде не въеду. Да что и говорить, я и исторических событий не знаю. Что, например, случилось в 1889 году, – а кто его знает, школьный учебник истории давно забыт, немного я знаю события Русско-японской войны, так как интересовался этим периодом, вот, пожалуй, и все. Уже на пенсии сотрудничал с одним журналом, писал статьи про русское оружие, перевооружение армии под трехлинейный патрон в конце XIX века, но чертежей и чего-либо ценного даже для средней руки оружейника в моей памяти нет.

Но совсем уж унывать все же не стоит. Первоначальный капитал нужен – тут мне, как наследнику старой купеческой семьи, связанной с текстильной промышленностью, и карты в руки. Что там с анилиновыми красителями сейчас?

Это ведь не только ткани, это и путь к синтезу лекарств. Конечно, немцы уже подсуетились – БАСФ и А Г Фарбениндустри[1 - Немецкие химические и фармацевтические гиганты, дожившие до нашего времени. Байер – еще один из них.] уже вовсю орудуют в этом бизнесе. Вот каково состояние патентного дела и есть ли возможность обойти патенты – надо будет своего реципиента спросить. По поводу лекарств – зайти в аптеку к дядюшке Генриху, посмотреть, что на полках лежит и чем сейчас лечат. Сдается мне, что байеровский аспирин еще не открыт, да и сульфаниламиды еще не рулят.

А ведь формула у них простая, синтез возможен и в это время. Получить стрептоцид гораздо проще, чем пенициллин или стрептомицин, которые тоже повадились было изобретать всякие «попаданцы» в наших романах. Ведь неважно, что плесневой гриб пенициллум убивает стрепто- и стафилококки. В России это уже показали Манассеин с Полотебновым, а в 1928 году подобное явление откроет еще раз Флеминг, но пройдет еще полтора десятка лет до появления промышленных серий препарата, причем работать над процессом очистки и концентрации препарата только в США будет более тысячи ученых в десятке научных центров. То есть маленькой и даже относительно неплохо оснащенной по меркам двадцатого века лаборатории это не под силу, нужны усилия государства, подстегиваемые войной, не говоря уже о средствах, по сравнению с которыми моя задумка с квази-ЭВМ выглядит детской шалостью и игрой в крысу.

Глава 4. Дела повседневные

– Лиза, мне в туалет нужно… – я проснулся и понял, что надо срочно отлить.

Шурка дрых, опившись опийной настойки, как бы наркошей не стал, а то ведь спать не будет без волшебных капель. Хотя при «сотрясе» покой – первое дело в лечении, особенно сейчас, но и так уже прошла неделя, пора бы и вставать помаленьку.

– Сашенька, сейчас я подам судно, – Лиза сделала движение, нагибаясь под кровать.

Ага, за судном, посмотрим, что за крейсер. Да, обычное фаянсовое подкладное судно класса «утка». Моряки терпеть не могут, когда боевой корабль называют судном, говоря, что это сухопутные «плавают» на судах, имея в виду такие «утки», а мореманы «ходят на кораблях».

– Не надо, я сам дойду, – я начал играть во взрослого мальчика, а сам просто стеснялся.

– Доктор пока не велел тебе вставать, – строго, почти материнским тоном, сказала Лиза.

Ну вот еще, месяц мне, что ли, бревном лежать, да и морально неудобно, когда под тебя молодая женщина судно подкладывает, слава богу, этого пока не приходилось испытывать. Это мне не приходилось, а вот Сашка тетки не стесняется, похоже, она за ним с детства ухаживала.

– Да ну его, он сам ничего не соображает, только скалится и опием пичкает, а к нему может быть привыкание, – попытался я убедить тетку. – Не волнуйся, я себя хорошо чувствую, голова уже не болит. А вставать потихоньку надо, а то пролежни заработаю, да и мышцы ослабнут.

– Хорошо, я тебе за ширму рядом с кроватью горшок поставлю.

Так, осторожно сажусь в кровати и ставлю ноги на пол. Да, на мне длинная рубаха до колен и внизу торчат хилые бледные безволосые голени, прямо ощипанные цыплячьи лапки. Осторожно поднимаюсь, не хватало еще ортостатического коллапса после длительной отлежки. В институте у нас проводились эксперименты по имитации невесомости путем лежания на резиновой мембране в ванне с теплой водой так, что не чувствуешь вес своего тела. После этого даже крепкие мужики встать на ноги не могли, имитация отсутствия гравитации приводила к детренированности мышц и стенок сосудов, обеспечивающих их нормальный тонус. А тут много ли такому цыпленку надо, хватит и недели лежания. Нет, ничего, осторожно выпрямляюсь после того, как немного посидел в кровати и сердце привыкло качать в голову кровь против вектора гравитации. Встал на пол, Елизавета рядом, готовая подхватить, если поплохеет и упаду. Вроде голова не кружится, тело устойчиво, делаю шаг, второй и скрываюсь за ширмой. Потом в обратном порядке возвращаюсь в постель. Все, первый выход в иновременное пространство закончен, слава

первопроходцам Хроноса![2 - Хронос (греч.) – бог времени.] Ура, товарищи! Награждение орденами и медалями, поощрение непричастных и наказание невиновных переносится по независящим причинам на более позднее время.

Тем более что Шурка проснулся, разбуженный необычной активностью вселенца:

– Шеф, мы что, ходим?

– Ага, передвигаемся во времени и пространстве. Надо бы отдохнуть немного и пойти погулять. Свежий воздух – тоже лекарство. Саша, ты распорядись насчет одежды – что и как тут носят по погоде.

Хорошо, что Лиза позвала Генриха. Он удивился быстрому ходу выздоровления, осмотрел Сашу, а надо сказать, делал он это более профессионально, чем платный эскулап: посмотрел глазодвигательные рефлексы, попросил повернуть голову туда и сюда с закрытыми глазами, а затем открыть глаза – проверил наличие спонтанного нистагма[3 - Нистагм – движения глаз в виде подергиваний. Бывает физиологическим и патологическим – например, при травмах головного мозга. То, что его нет при обычных движениях – норма.]. То есть Генрих имел более приличные неврологические знания, я бы не удивился, если бы он проверил коленные и локтевые рефлексы, но, видимо, это пока не в моде. В общем, одевшись, в сопровождении Лизы и Генриха мы вышли во дворик и присели на лавочку. Маман ушла то ли к портнихе, то ли еще куда, а то бы точно прогулка не состоялась.

Хорошо-то как! Все-таки в комнате спертый воздух, а на улице благодать. Пахнет листвой, цветами, тишина – ни машин, ни бензиновой вони. Дворик маленький, отгорожен забором от когда-то основного двора дома, построенного Сашиным отцом в Замоскворечье, подальше от Рогожской заставы и поближе к центру. В Замоскворечье селились купцы, как правило, не ниже второй гильдии: большие участки под двухэтажный дом с флигелями стоили достаточно дорого. Купцы на них часто держали и склады, используя для собственного жилья второй этаж дома, флигеля под службы и жильё прислуги, а иногда и приказчиков из лавки, которая занимала первый этаж дома. Флигеля и первый этаж дома были каменные, второй этаж часто деревянный, но у бывшего Сашиного дома и второй этаж был каменный с красивым эркером и балконом-террасой, выходившим в сад. Новый хозяин дома за забором срубил сад, заняв место под грядки с капустой и огурцами, а главным образом – под дощатые сараи с товаром. К нашему забору теперь примыкала чужая баня, а вот своей я

что-то не заметил. На Сашиной стороне из построек остался только каменный каретный сарай-конюшня, возле которого с бричкой возился мужик.

– Антип, – крикнула ему Лиза, – а где Глаша?

– Пошла на базар за провизией к обеду, барышня[4 - Антип назвал Лизу барышней, а не барыней, так как помнил ее молоденькой девушкой, а барыня для него – это жена хозяина дома (или мать наследника, пока он не женат).], – ответил Антип, невысокого роста широкоплечий бородатый мужик в ситцевой линялой рубахе и серых портах, заправленных в поношенные сапоги. Раз бричка была здесь и сломана, то барыня и молодой барин уехали на извозчике.

Как я понял, Антип был не только кучером и конюхом, но и «мужиком за всё» – то есть на все руки мастером – починить чего-либо из мебели или лавочку сколотить, зашить обувь или починить упряжь и многое еще, что умел по хозяйству. Глаша была его женой, исполняла обязанности горничной и кухарки. Готовила она, как я убедился, неплохо. Раньше прислуги было больше, да и хозяйство было больше, теперь все было максимально сокращено – и хозяева, и прислуга жили в одном флигеле, здесь же находилась кухня, а за кухней чуланчик без окон, где и спали Глаша с Антипом. Днем они работали все время по хозяйству, времени на отдых у них практически не было.

Посидев немного на лавочке, я обошел дворик, который был примерно 30 на 40 метров, причем четверть занимал тот самый каретный сарай с тремя дощатыми воротами, двое из которых были открыты: из одного отсека была выкачена бричка, а из другого из-за деревянной загородки выглядывали две лошадиные головы темно-рыжего цвета, потом я узнал, что он называется каурым.

Бричка, конечно, была не «Мерседесом», но выглядела достойно – кожаные сиденья, откидной верх, рессоры. Вот что-то там с передней подвеской и выделывал Антип. Остановившись посмотреть, я поздоровался.

– И вам здравствовать, барин! – Антип вылез из-под средства передвижения и, похоже, не ожидал, что «барин», хотя и молодой, поздоровается первым. – Уж мы как все переживали за вас, когда узнали, что вы головой ударимшись.

Ага, значит, это я сам «ударимшись», будем придерживаться этой версии для прислуги. Я пошел по двору: дальше к сараю примыкала поленница дров под

навесом; в конце двора росла большая береза, наверно, выросла сразу после пожара 1812 года, когда деревянное Замоскворечье выгорело дотла. Возле березы росли какие-то дикие цветочки: иван-чай, ромашки, еще какие-то неизвестные мне. Потом шел малинник, за ним – огуречник (как же без своих огурцов, тем более с дармовым навозом), а вдоль соседского забора были посажены кусты крыжовника и смородины. Опять-таки, купеческая традиция – пить чай с вареньем, и здесь ему, похоже, уделяли должное внимание. У крылечка – скамейка и небольшой газончик с цветником, огороженный низким штакетником. Вот и все посадки. Остальное пространство занимала площадка, где могли развернуться лошади после въезда во двор.

Вернувшись домой, Шурка опять попросился отдохнуть, но я настоял, чтобы на обед нас пригласили за стол, чтобы поесть по-человечески, и мой реципиент с этим согласился.

Так в режиме выздоровления прошло еще две недели. Я осмотрелся в доме. Обстановка была небогатая, но гарднеровский[5 - Гарднер – владелец фарфоровой мануфактуры, ценился выше мануфактуры Кузнецова, изделиями которой чаще владели купцы, а гарднеровский фарфор, более тонкий и изящный, покупали преимущественно дворяне. Здесь подчеркивается то, что отец Саши стремился к более современному и богатому быту для семьи.] сервиз и столовое серебро от Овчинникова[6 - Овчинников – серебряных дел мастер и ювелир, поставщик двора ЕИВ (наряду с мастером Сазиковым, братьями Хлебниковыми и Фаберже), как поставщик ЕИВ имел право на клеймо в виде двуглавого орла.] остались – Мария Владиславовна весьма дорожила ими как памятью о прошлых достойных временах, полных надежд на счастливое и богатое будущее. Часто и в конце девятнадцатого века в купеческих домах второй и даже первой гильдии были разномастные столовые приборы, купцы-бородачи званых обедов и приемов не давали. Позже возобладали привычки «безбородых» образованных купцов, тогда и появились преимущественно кузнецовские сервизы и столовое серебро. А вот мебель была разномастная – стулья одного мастера, бюро – другого, ближе к кухне были даже шкафы работы Антипа, видимо, хозяин дома не успел его обставить как следует.

Я поинтересовался у Саши домашней библиотекой, он ответил, что как таковой ее нет. Всякие статистические справочники и торговые каталоги вместе с отцовскими книгами были в отцовском кабинете – там сейчас хозяйничает Иван, у Марии Владиславовны – подборка сентиментальных немецких и французских романов, русских писателей она не читает, даже Тургенева и Толстого, считая

их вредными и безнравственными (естественно, одни «Анна Каренина» с «Крейцеровой сонатой» чего стоят). У него в комнате есть кое-какие книги по юриспруденции, большей частью – университетские учебники. Газет и журналов, кроме «Биржевых ведомостей», в доме не выписывают, и они опять-таки в кабинете у Ивана.

– Шеф, у Циммеров большая библиотека, есть немецкие и русские книги и журналы, я могу попросить Лизу чего-нибудь почитать, а какие книги нужны и для чего?

– Для того, чтобы поправить наше материальное положение, проще говоря, разбогатеть. Без денег мы ничего добиться не сможем.

– А как мы можем это сделать? Ведь воздушные корабли еще не появились, есть только шары.

– Саша, я по специальности инженер по вычислительным машинам и занимался моделированием различных процессов с помощью высокопроизводительных счетных машин. Эти машины у нас управляют другими машинами и станками, самолетами и ракетами, обеспечивают связь людей друг с другом по всему миру. Они могут быть очень маленькими, как ладонь, но такой вычислитель может хранить десяток-два книг или несколько фильмов. У вас есть кинематограф – движущиеся картинки. Так вот в таком устройстве они цветные и со звуком, книги тоже могут быть озвучены диктором. Но главное, благодаря этому устройству один человек может говорить с другим хоть в Америке и одновременно видеть его изображение.

– И вы можете построить такую машину?

– Нет, Саша, не могу – нет деталей для нее, и они станут доступны только через сто лет. Но, используя принципы построения таких вычислительных устройств, я могу сделать машину на телеграфных электромагнитных реле. Она не сможет показывать картинки и говорить человеческим голосом, но выполнит сложные вычисления, которые сто человек будут делать неделю: она сделает быстрее и не ошибется. Такую машину можно будет использовать для сложных инженерных и статистических расчетов, а также в артиллерии для расчета полета снарядов и накрытия движущейся цели с первого залпа, или при стрельбе по целям, которые не видны из-за кривизны земного шара.

– А что нужно для такой машины?

– Нужны реле, пять или шесть сотен для начала, а также различные электрические детали, которые уже у вас есть. Наверно, это будет стоить не менее пяти-шести тысяч рублей. Я знаю, что у тебя их нет, ваша семья сейчас переживает не лучшие дни. Государство нам не поможет, нас посчитают безумными прожектерами, поэтому мы должны построить действующую машину на свои средства. В кредит их никто не даст, если не увидит пользу. Поэтому первая часть плана – заработать эти пять тысяч на чем-то другом, что я знаю и что должно принести прибыль. Можно, конечно, сделать игрушку из пары реле и ламп[7 - Машина Штибица (или Стибица) из двух реле.], которая будет складывать числа, но делать это не быстрее человека, и, кроме сложения, ничего не уметь. Может быть, для демонстрации возможностей этого было бы достаточно для какого-нибудь профессора математики, обладающего необходимой фантазией, чтобы представить работу сотен и десятков тысяч таких реле. А кого ты знаешь из профессоров математики в университете?

– Никого, у нас математику не читали.

– Жаль, в таком случае надо узнать, кто имеет вес на кафедре и почитать его работы в публичной библиотеке. Ты ведь туда записан. Нет? Тогда нам нужно сходить и записаться – посмотреть последние работы по математике, физике и химии. Зачем химия? Дело в том, что математика – наука несколько отвлеченная, сиюминутных денег она не принесет. А вот производство красителей для текстильной промышленности – это живые деньги. Немцы уже должны производить анилиновые красители, также случайно один английский студент, не то Перкин, не то Пилкин (он хотел изготовить хинин химическим путем), получил пурпурный краситель. Он запатентовал свое открытие и разбогател, было это в конце 50-х или начале 60-х годов этого века. Скорее всего, в России он не патентовал свое открытие, поскольку высокомерные бритты считают нас полными дикарями, а зря – великий химик Бутлеров уже обосновал пути синтеза органических соединений. Насколько я помню (эту историю часто приводят в качестве примера случайного открытия), формула там простая, и то ли Бутлеров, то ли его ученик Зинин показали возможность альтернативного пути синтеза главного исходного соединения – анилина, а другим компонентом является бихромат калия, потом осадок растворяется в спирте, и краска готова. Анилин юный британский химик брал из «каменноугольного дегтя» – продукта перегонки каменного угля без доступа кислорода, – процесс, используемый для получения кокса, а этот деготь вообще рассматривали как бросовый продукт.

Вроде как Зинин получал анилин из нитробензола, так что теоретически возможно обойти патент британца, используя иной путь синтеза. Сейчас живет великий русский химик Дмитрий Менделеев. Ты что-нибудь о нем слышал? Опять нет, ну ты даешь, великих современников не знаешь… Ах да, ты ж юрист[8 - Крылатая фраза из двадцать первого века.]… Ну раз юрист, скажи, что ты знаешь о патентном праве[9 - Международное право промышленной собственности регулировалось Парижской конвенцией 1883 года, но Саша этого не знает. Тем более, там все очень расплывчато насчет химии и синтетических красителей и лекарств. В России привилегии выдавались по закону еще времен Александра Первого, причем заявки писались произвольно, даже просто на открытие таким-то купцом красильной мастерской (и это была «привилегия»), к 1870 году была преобразована форма рассмотрения заявок, теперь привилегии выдавали министерства по принципу соотнесения профиля министерства с темой изобретения.], ах да, у вас патент вроде называется (или назывался, точно не помню) привилегия. Есть ли патентные поверенные в это время, то есть те, кто специализируется на патентном праве, включая международное?

– Вроде лет двадцать назад был новый закон о привилегиях в промышленности, и по нему привилегии выдает то министерство, к которому относится изобретение. Юристов, которые специализируются по таким делам, я не знаю, такие дела относятся к обычному гражданскому праву и вести их может любой поверенный.

– Ну вот, можешь стать первым патентным поверенным. Нам надо найти британский патент Перкина или Пилкина на синтез пурпурной краски и посмотреть, действует ли он в России и как его можно обойти. Насколько я знаю, пурпур считается благородным цветом, в Византии его использовали только императоры, на изготовление лишь одного грамма краски требовалось несколько тысяч особых моллюсков, поэтому натуральный пурпур был баснословно дорог.

– В общем, без визита (и не одного) в публичную библиотеку нам не обойтись, а предварительно надо заглянуть к дяде Генриху, ты ведь говорил, что у него не только неплохая библиотека, но и отличная лаборатория. Вот с этого и начнем научные изыскания. И еще – надо заняться твоей физической формой, то есть состоянием мускулатуры, осанки. Они помогают в манере держаться, придают уверенность в себе, и девушкам это нравится (тут я почувствовал, что Саша смутился, наверно, если было бы зеркало, я бы увидел, что он покраснел, задело, видать).

Глава 5. Дядюшка Генрих

Подходил к концу месяц нашего лечения. Я-то прекрасно себя чувствовал, но Саша поправлялся медленнее. Вопреки своему обещанию развивать его мускулатуру, я пока решил не вводить упражнения с тяжестями – пусть парень окончательно окрепнет. А вот дыхательную гимнастику, упражнения на растяжку, мы практиковали, обычно с утра и полчаса вечером, перед ужином, когда нет жары. Сашка вначале сачковал и стеснялся, но я ему объяснил, что дышать надо по правилам – в это время туберкулеза полно, даже в царском семействе смертельные случаи – вот у Александра II жена умерла, а то, может, его и к Долгорукой не потянуло бы, чуть было императрицей ее не сделал. А наследника-цесаревича Николая (который должен был унаследовать престол, а вовсе не царствующий ныне Александр III) тоже подкосил туберкулез позвоночника, да и брат будущего царя, Георгий, тоже умрет в Аббас-Тумане от этой болезни. И это царская семья, которая могла себе позволить любые препараты и любое лечение, что уж говорить о простых подданных. В конце XIX века публика настолько смирилась с этим бичом переполненных городов, особенно сырого и прохладного Петербурга, что пошла мода на субтильное телосложение и «горящие» глаза – для чего под глазами наводили тени и закапывали капли белладонны, расширяющие зрачки. Так и въехали в эпоху декаданса с этой вызванной туберкулезом модой. Напугав таким образом своего подопечного, я убедил его больше времени проводить на воздухе, занимаясь легкой физической нагрузкой, можно было бы делать что-то в саду, но не господское это дело. А для себя я решил, что надо бы посмотреть и синтез простых противотуберкулезных средств, нет, не стрептомицина – про трудности с антибиотиками я уже говорил, а более простых, но в то время достаточно действенных препаратов – парааминосалициловой кислоты (ПАСК) и изониазида, их, конечно, изобрели на полвека позже, но почему бы не заняться салицилатами сейчас – это тоже вопрос для дискуссии с Генрихом.

Так что, пока Саша под моим чутким внутренним руководством поднимал и опускал руки, глубоко вдыхая и выдыхая, выполнял наклоны и повороты туловища, всячески «рукомашествовал и дрыгоножествовал» в замедленном темпе – что-то в стиле ушу, – я наплел ему про боевых тибетских монахов и обещал научить боевому применению этих приемов, когда его организм достаточно окрепнет. Саша объяснил взволнованной матушке, что это китайская дыхательная гимнастика, про которую он вычитал давно в книжке, а вот сейчас

вспомнил, когда она пригодилась для его восстановления. Матушка успокоилась, тем более что она как-то не очень уделяла внимание сыну, целыми днями посещая подруг, нанося визиты, заказывая все новые наряды и побрякушки, впрочем, никогда никого не приглашая к нам – стеснялась бедности. Братец Иван тоже не уделял внимания болящему, забыв о своем предложении сделать все для его выздоровления, так что последние визиты врача оплачивала Лиза. Она часто бывала у нас, то одна, то с Генрихом, и каждый раз подолгу сидела у меня, развлекая разговором. Они тоже видели нашу гимнастику, но удивления не высказали, мол, сейчас многие лечат упражнениями, вреда от этого не будет. Генрих расспрашивал меня о самочувствии, но больше не осматривал, довольствуясь внешним наблюдением, только как-то, вытащив из жилетного кармана большие часы, подсчитал пульс после моих упражнений, одобрительно хмыкнув.

Доктор, который появился у нас в конце месяца, удивился Сашиному свежему виду, прописал неразборчиво по латыни какую-то укрепляющую микстуру и рекомендовал санаторное лечение на европейских курортах, лучше всего – в Швейцарии. На этом его визиты закончились, а супруги Циммер пригласили Сашу в гости в следующую субботу. Да хоть бы и завтра, временем своим мы располагали как хотели – присяжный поверенный, узнав, что Саша выбыл из строя минимум на месяц, да еще, возможно, потребуется полгода восстановления на курорте, прислал письмо, в котором «милостивого государя Александра Павловича» извещали о том, что в связи с загруженностью делами его никто не будет дожидаться, желали выздоровления и приложили 40 рублей (жалованье помощника за месяц), а также – рекомендательное письмо для последующего устройства на работу, из которого, впрочем, следовало, что самостоятельных дел Саша не вел и особого рвения в делах поверенного не проявлял, то есть грош цена такой рекомендации.

В день визита, а приглашены мы были к обеду, ни маменька, ни тем более Иван к Саше не присоединились, сославшись на занятость. Я, отправившись на задний двор за малинник, где росли дикие цветы, изготовил букет, в центр которого положил две ветки красно-фиолетового иван-чая, кругом – ромашки, немного незабудок, и позаимствовал для усиления рыже-оранжевой гаммы несколько календул и бархатцев из цветника. Потом туго обвязал бечевкой, обрубил топором комли и привязал цветной ленточкой какие-то широкие и острые сорняки в качестве зеленой розетки. В стиле флористического дизайна двадцать первого века вышло стильно, но маменька, увидев мой букет, надула губки и сказала, что это пейзанская трава и что она означает – она не знает. Ее учили языку цветов, где действовали розы и ландыши, а простонародный иван-чай –

фи, это не комильфо. Ну-ну, а попроси я у нее трояк на букет из цветочного магазина или на коробку конфет, я бы услышал, что шиковать для нас – не те времена. Саша все заработанные деньги отдавал матери, и своих у него не водилось ни копья, как я выяснил.

Принарядившись и взяв букет (я убедил Сашу, что это очень модный букет с точки зрения XXI века, когда полевые цветы будет труднее достать в Москве, чем розы, которые продавались на любом углу, и что букет составлен по всем правилам флористики – это целая наука такая теперь есть), мы отправились в гости. Идти было совсем недалеко – всего квартал. На улице кое-где валялся сухой и свежий конский навоз, никакой мощеной мостовой не было и в помине, зато крепкие купеческие усадьбы с лабазами стояли плечом к плечу. Дом наш был где-то вроде как по Казачьему переулку, в районе Большой Полянки, вон и церковь вдали похожа на ту, что сейчас напротив книжного магазина «Молодая гвардия». На Полянке уже была булыжная мостовая, навоз не валялся, и, пройдя десятка три метров в сторону Садового кольца, я увидел на первом этаже двухэтажного каменного дома вывеску с золотыми буквами под стеклом «Аптекарский магазин» и ниже, помельче, – «магистр фармации Генрих фон Циммер». Дверь была солидная, с ручкой электрического звонка рядом и стрелкой, показывающей, куда ручку надо вертеть (это ведь и гальванической банки не надо – вечный механизм!).

Войдя, мы увидели стойку и шкафы с фарфоровыми банками и просто с закрытыми дверцами, на которых были прикреплены медные таблички с латинскими надписями. За стойкой стоял молодой человек с пробором посреди головы, абсолютно приказчицкого вида. Он узнал Сашу, открыл стойку и пригласил проходить наверх. Саша дорогу знал, и мы быстро поднялись наверх, где нас тепло встретили Генрих и Лиза. Саша вручил Лизе букет, и я понял, что ей он понравился.

– Очень необычно и со вкусом. Никогда не скажешь, что это простые полевые цветы. Ты просто удивил меня этим букетом, Саша, никогда бы не заподозрила у тебя такой необычный взгляд на обычные вещи.

А я подумал, то ли еще будет, дорогая тетушка, что ты тогда скажешь?

Тут нас пригласили к столу, со вкусом накрытому, с красивым сервизом и белыми накрахмаленными салфетками в серебряных кольцах с вензелем-монограммой на ослепительно-белой скатерти. Горничная принесла вазу и поставила букет в

центре стола. Вокруг тарелки лежали разнообразные серебряные предметы сервировки, значения некоторых я не знал, и приходилось уповать на навыки Саши. Впрочем, он не подкачал. Блюда подавала та же горничная (избытком прислуги этот дом не страдал), а вот готовила Лиза сама, в чем она с гордостью призналась. Генрих предложил вишневой наливки (ну какой же немец без киршвассера), но Саша отказался, а Лиза его поддержала, сказав, что алкоголь для Саши пока исключен. Сама Лиза, впрочем, пригубила рюмочку, составив компанию мужу.

После обильных холодных и горячих закусок настало время первого горячего блюда, каковым был гороховый суп с копчеными свиными ребрышками и мелко нарезанной копченой колбаской. Аромат умопомрачительный, я тоже всегда любил гороховый суп, но этот… Похвалив хозяйку, я и Генрих быстро справились с супом, и я хотел было попросить еще, но Лиза остановила меня, сказав, что еще будут всякие вкусности. И правда, бараньи котлетки с картофельным пюре на сливках тоже были вне конкуренции.

Потом мы перешли на балкон, где был сервирован чайный стол, рядом на отдельном столике стоял блестящий, как золото, самовар. Горничная подала с ледника торт, про который Лиза сказала, что все блюда для обеда готовила сама, а вот торт заказала у кондитера Штольца, поскольку он один умеет готовить торт-суфле. Торт и правда внутри был из суфле, как «Птичье молоко», а снаружи походил на «Киевский», обильно украшенный кремовыми розочками, фигурным шоколадом и цукатами. Откушав торта и полюбовавшись сверху Лизиным цветником, – дворик по площади походил на наш, тоже с конюшней, но поменьше, со смородиной и крыжовником, вот только цветов всяких и самых разнообразных оттенков было не в пример больше, мы опять вернулись в гостиную, где вся посуда со стола была уже убрана и столешница застелена чистой скатертью, на которой красовался мой букет. Я похвалил кулинарное искусство хозяйки и отметил исключительно красивый цветник, на фоне живых цветов которого поблек мой букет. Лиза же сказала, что ей понравился принцип составления композиции и она попробует сделать нечто подобное из своих цветов. Немного отдохнув, я попросил Генриха показать его лабораторию, тем более что вывеска у него была «Аптекарский магазин», то есть он мог торговать не только лекарствами, а химическими веществами, электрическими изделиями от звонков до патентованных медицинских аппаратов.

Мы опять спустились вниз, только повернули в другую сторону от аптеки, вышли во двор и оказались возле каменного сооружения, которое я принял за каретный

сарай. Внутри все было вполне достойно оборудовано, в прихожей была печь, обогревавшая через стену лабораторное помещение, то есть никакого открытого огня внутри не было, зато была вытяжка и вентиляция. Посредине стоял большой лабораторный стол, по сторонам вдоль стен – шкафы с реактивами. Я сказал (а вести разговор договорился с Сашей я сам):

– Генрих, в аптеке я видел в основном банки с травами и прочим растительным сырьем и почти не видел продуктов химического синтеза. Знаешь ли ты о синтезе химических лекарств, например на основе фенола или салициловой кислоты, а также о синтетических красителях на основе анилина?

Генрих вытаращился на меня, но быстро справился с удивлением:

– Саша, вроде раньше я не замечал у тебя тяги к химии, хотя старался ее разжечь.

– Видимо, время пришло, дядюшка.

Саша, хоть и обращался на правах родственника к Генриху на ты, хотя тот был старше минимум на полтора десятка лет, а то и больше (ему можно было дать от 35 до 45 лет), но все же Генрих был «фоном» и магистром, а Саша, как окончивший полный курс университета, всего лишь кандидатом юриспруденции, а для получения степени магистра и доктора надо было защищать диссертации.

– Да, я знаю про анилин, его получают из каменноугольной смолы, это маслянистая ядовитая жидкость, у меня есть около унции этого вещества. Что касается салициловой кислоты, то на ее основе готовят мазь, которая используется при ревматических болях, пробовали применять салициловую кислоту внутрь с той же целью, но она оказывает очень сильное раздражающее действие на желудок и токсична. Фенол, по-другому карболовая кислота, гидроксибензол, имеет антисептические свойства и применяется для лечения гнойных ран (разбавленный раствор) и для обработки поверхностей с целью обеззараживания.

– А в России производят эти вещества, все же каменного угля у нас вдоволь?

– Нет, все завозится, преимущественно из Германии. А зачем тебе это?

– Дядюшка, исключительно в мирных целях, я не собираюсь делать взрывчатку или кого-то травить. Дело в том, что это сырье либо для производства красителей, либо для производства лекарств, или и для того и для другого. Если у тебя есть немного анилина, а нужна всего лишь капля и чуть бихромата калия, то я тебе могу показать получение пурпурного красителя. Это сделал два десятка лет назад британский студент Перкин, может быть, ты слышал про это, он получил привилегию и опубликовал свое изобретение. Вот только я не знаю, получил ли он привилегию в России, скорее всего, нет.

Пока я это рассказывал, Генрих капнул каплю анилина в пробирку и добавил бихромат – выпал плотный осадок, но никакого окрашивания не было. Дядюшка вопросительно посмотрел на меня.

– Надо спиртом растворить, – подсказал я.

И вдруг случилось чудо, я и сам такого не ожидал – спиртовой раствор приобрел красивый насыщенный пурпурный цвет.

– Вот такая реакция, дядюшка Генрих. Теперь можно окрасить кусочек ткани, промыть в воде и высушить.

Так мы и сделали. Вывесив кусочек белого полотна на просушку и помыв руки, мы присели на высокие лабораторные табуреты, очень похожие на те, что сейчас используются в барах.

– Да, Саша, удивил ты меня. Не ожидал. Не сказать, что это открытие, но у нас патенты дают на что угодно, первенство и новизна не обязательны (если, конечно, не получена привилегия на это вещество в России).

– Привилегию можно обойти, например, наш химик Зинин, ученик Бутлерова, описал получение анилина из нитробензола. Все вещества, про которые я говорил, содержат бензольное кольцо, только радикалы разные. Например, у фенола это гидроксильная группа OH, а у анилина – аминогруппа N2O. Явно все это уже описано, но если запатентовано, то как получение анилина из нитробензола, а не конечный продукт – пурпурный краситель. То есть получение исходного вещества будет иным, чем у Перкина, а потом добавляем бихромат (его ведь никто не патентовал, так можно было бы патент на воду или поваренную соль получить – это простые вещества, имеющиеся в неживой

природе – неорганические). Так что привилегия, даже если она есть, обходится.

– Хорошо, я подумаю об этом. А для чего это тебе?

– Я хочу продать патент-привилегию (ты будешь в доле) и получить средства для другого изобретения. У меня есть еще несколько идей относительно лекарств, это совершенно неизвестные пока соединения и, как я говорил, имеющие в основе бензольное кольцо с разными радикалами. Некоторые из них могут спасти от стрепто- и стафилококковой раневой инфекции, а также активны против холеры и туберкулеза. Такие препараты могут спасти миллионы жизней. Но у меня нет книг. Не мог бы ты разрешить воспользоваться твоей библиотекой? Это будет быстрее, чем читать в Публичке, да и ты поможешь разобраться, если я чего не пойму.

Дядя Генрих смотрел на меня как на говорящую лошадь, но вскоре очухался и повел в библиотеку. Библиотека была и впрямь богатая. Я нашел учебник Бутлерова по химическому синтезу, аналогичный немецкий труд, где довольно подробно было расписано про красители (немцы здесь были впереди планеты всей на пару десятилетий).

– Генрих, а у немцев есть получение пурпурного красителя и есть ли на него привилегия в России, не мог бы ты это уточнить? И вообще, какие из красителей имеют привилегии, индиго, например, или ализарин? Можно ли наладить их производство здесь – согласись, это вообще более выгодное дело, чем аптека, и на этой базе можно создать большую лабораторию с десятком химиков, которые будут искать пути синтеза новых лекарств, спасущих человечество. Хотел бы ты быть во главе такой лаборатории?

– А почему бы сразу не заняться лекарствами? Насколько я понял, именно лекарства твоя цель.

– Да, лекарства – это здорово, но кто нам даст первоначальный капитал? А красители всегда в цене, Россия – текстильная держава. Хоть сам производи красители, хоть торгуй привилегиями на их производство – на все будет спрос и сразу. А лекарства надо испытать, хотя бы на животных[10 - В это время доклинические и клинические испытания еще не были регламентированы. Все решало мнение и рекомендации врачебного сообщества.], это процесс длительный.

Выбрав пяток книг по химии и физике, я откланялся, договорившись встретиться с Циммерами завтра в церкви.

Глава 6. Операция «Царьградский пурпур»

Утром к нам зашла Лиза и сказала, что мы пойдем в церковь, поставим свечку за мое выздоровление. По этому случаю маман выдала мне серебряный пятачок – самую мелкую серебряную монетку (вообще-то был и медный пятак – большой и увесистый, но господа предпочитали серебряные монетки). Лиза также сказала, что Генрих хотел бы продолжить вчерашний разговор, у него есть для меня новости. С тем мы и отправились в церковь, компанию нам составили празднично наряженные Антип с Глашей, но они шли чуть поодаль, не мешая господам. Иван с утра куда-то уехал, а у маменьки вдруг заболела голова. Как-то я услышал, что Глаша говорила мужу, что видела барыню входящий в польский костел на Грузинах и крестившейся по-католически. Видимо, приняв православие, чтобы выйти замуж, маман помнила и о старой католической вере предков, ну что же, на мой взгляд, Бог един и для христиан всех конфессий, и для мусульман обоих толков, и для иудеев, иначе бы на небе не утихала война одного бога с другим.

С тем мы дошли по Казачьему до перекрестка, где нас ожидал Генрих, он был в строгом сюртуке, на голове невысокий цилиндр. Потом я узнал, что такой цилиндр называется шапокляк и складывается в блин, который удобно держать в руках в церкви или в других местах, где надо стоять с непокрытой головой, а потом щелк или «кляк» – срабатывает пружина, и опять ткань натягивается трубой. С удивлением увидел, что в петлице сюртука у Генриха розетка из георгиевской ленты с миниатюрой солдатского Георгиевского креста (или, если правильно, со «знаком отличия ордена Святого Георгия для нижних чинов»)[11 - Поскольку Генрих был вольноопределяющимся, то имел права нижнего чина. Спасение офицера – достаточный повод для награждения знаком ордена в виде серебряного крестика на георгиевской ленте. Не путать с офицерским орденом Св. Георгия – это золотой крест с белой эмалью и финифтяным медальоном.]. Обратив внимание, что я смотрю на маленький петличный серебряный крестик со святым Георгием, поражающим змия, Лиза сказала:

– Генрих у меня герой турецкой войны, иначе бы я за него замуж не вышла. А так – «рыцарь на белом коне в сверкающих латах» – куда деться бедной девушке?

И опять улыбнулась. Право же, у нее чудесная улыбка, которая ее прямо преображает. Лиза сегодня была особенно хороша в шляпке с вуалью и в красивом темно-синем платье, подчеркивающем ее стройную фигуру. Некоторую плосковатость фигуры спереди маскировало пышное кружевное жабо. Услышав про рыцаря, Генрих смутился и сказал:

– Ну ты скажешь, душенька, Саша, наверно, помнит, что я служил добровольцем при аптекарском обозе и, скорее, можно говорить о «вольнопере» на обозной кляче, насквозь пропахшем карболкой.

– Да, герой, ты же спас раненого офицера и организовал отпор башибузукам, когда они напали на обоз, про это и в газетах писали.

– Это со страху, башибузуки всех бы вырезали, невзирая на красный крест, крест только придал им ярости. Поэтому делать было нечего, пришлось вот пострелять, а потом и подмога пришла, на стрельбу казаки прискакали и турок порубили.

Так, под разговоры, мы дошли до храма, где отстояли обедню. Лиза рассказала, что это древний храм, здесь еще царь Алексей Михайлович венчался с Натальей Нарышкиной. С тех пор храм считался придворным, иногда и великие князья его посещали, а супруга нынешнего градоначальника, великая княгиня Елизавета, часто молится тут. Народ называет храм Красным, но официально это храм Григория Неокесарийского на Полянке.

В церкви Саша молился про себя, прося Господа наставить его на путь истинный. Поставив свечку за выздоровление от недуга, вышли из храма и пошли к Циммерам. На обратном пути Генрих сказал, что он полночи читал журналы по химии и думал. Ему показались разумными мои доводы, и он хотел бы обсудить со мной дальнейшие действия. Придя к Циммерам, а аптека была закрыта по поводу воскресного дня, мы прошли в столовую, и Лиза начала ставить на стол все, что осталось от вчерашнего пиршества. Служанка была отпущена домой, она приходила убирать в комнатах каждый день по будням с утра, помогала готовить и подавала обед хозяевам, после чего ее отпускали. Завтрак и ужин Лиза готовила сама. Циммеры не держали лишней прислуги, был только

аптекарский помощник, работающий по найму. Если нужно было куда-то ехать, нанимали извозчика – на Полянке их всегда была уйма – все же оживленная улица. Сделать что-то в доме – нанимали мастеров. То есть жили Циммеры экономно, но в комнатах у них было очень уютно, и чувствовалось, что им нравится их гнездышко. Только вот гнездышко было без птенцов, как сказал Саша, роды чуть не убили Лизу, жизнь ей спасли, но ребенка потеряли, и с тех пор она не могла иметь детей. Поэтому Лиза так заботилась обо мне, испытывая прямо материнское чувство к Саше.

Отобедав, Генрих и Саша прошли в хозяйский кабинет, он же и библиотека. Удобно устроившись в кожаном кресле, Генрих набил табаком короткую трубку и закурил, пуская дым в сторону открытого окна. Саша сидел в таком же кресле напротив, переговоры опять были доверены мне. Я и так стал почти что не отделять нас друг от друга, иногда только условливаясь с Сашей, что говорить буду я, а он, в случае чего, подскажет.

– Саша, я подумал и понял, что твоя идея правильная. Привилегию получить можно. Только это долго – год или два, если некому замолвить слово в министерстве или департаменте. Хорошо, мы получим привилегию через два года, кому ты ее хочешь продать – ты же будешь владельцем привилегии?

– Генрих, поверь моему слову, ты в убытке не останешься. Если ты будешь осуществлять синтез красителя, то это отдельная плата для тебя и того, кого ты наймешь. Я же хочу поговорить с купцами, связанными с текстильной промышленностью и заводчиками-фабрикантами по этому профилю. Не скрою, начну с деда. А Ивану предложу сегодня же покрасить кусок шелка – есть у него на складе полтора десятка штук пожелтевшего от времени и неправильного хранения шелка, который можно сбыть за мелкие деньги, что братец и хочет, чтобы покрыть долг в гильдию, но можно покрасить и продать дорого. В этом случае Иван должен раскошелиться на красильщиков, а ты за отдельную плату изготовишь немного красителя. Главное, что это должно быть экономически выгодно по сравнению с теми красителями, что нам поставляют из-за рубежа. Ты можешь сделать такие выкладки по расходу красителя на покраску ткани и стоимости материалов и работ?

– Я уже это сделал, Саша. Вечером я изготовил немного красителя, рассчитав вес ингредиентов, и покрасил квадратный фут дешевой ткани, потом тщательно промыл, высушил и три раза постирал, чтобы быть уверенным, что ткань после сушки не линяет при стирке. Результат отличный – краска прочная и нисколько

не полиняла. Стоимость покраски тысячи квадратных футов раз в десять меньше той, что будет затрачена при покупке привозного британского красителя. Я куплю немного их краски и сравню результаты, а ты принеси немного шелка, мы проверим, так ли хорошо красится шелк, как хлопчато-бумажная ткань. Только вот я не уверен в успехе разговора с твоим дедом, ты же его знаешь – он самодур, каких мало.

– Да уж, самодур, но и делец, каких поискать.

Я взял ткань и пошел домой. Брат Иван был уже дома, немного навеселе.

– А, здорово, Сашка, рад тебя видеть в добром здравии.

– И я тоже, как идут дела?

– А как сажа бела, в долгу как в шелку.

– Кстати о шелке. Вроде у тебя завалялось полтора десятка штук белого шелка, который пожелтел.

– Да, я уж его предлагал за деньги в три раза меньше, чем купил, а купил я его на полторы тысячи.

– Хочешь продать с выгодой? Ловлю на слове – вернешь свое и с долгом расплатишься, остальное – мне. Только надо рублей пятьсот вначале, считай, аванс.

– Да ты, видать, Сашка, какому-то чиновничку на лапу по закупке хочешь дать. А вскроется? Каторга! Нет, я не участвую в таких делах.

– Никому взяток я давать не собираюсь. Народ сам к тебе в лавку за этим шелком повалит, и назовешь ты его «Царьградский пурпур». Вот такого цвета, – и я показал ему ткань, покрашенную Генрихом. – Такой цвет сохраняется и после трех стирок – ничего ему не делается. Нужно только кусок твоего шелка побольше – попробовать, как краска ляжет, не будет ли линять.

– Цвет знатный, такого я не видел… А откуда краска?

– Мы с Генрихом придумали, привилегию уже подали (это чтобы братец губы не растягивал).

– Ну, Сашка, не ожидал. А сколько времени уйдет, чтобы пятнадцать штук шелка покрасить?

– Это с красильщиками сам договаривайся, с нас краска, на нее пять сотен и беру. Только не торопи их. Давай сначала договаривайся на пять штук.

– По рукам! А сколько тебе шелку надо для пробы?

– Чтобы хватило на три хороших рубахи, или четыре-пять, если сам хочешь надеть и на твоего приказчика: как народ на рубаху-то глянет – с руками все оторвут. Для начала цену поставь в три раза больше, чем на простой шелк. Вот и получится тебе две тысячи рублей, нам с Генрихом по тысяче рублей, плюс аванс на материалы, что мы тебе отдадим, и тысяча – на наем персонала, реактивы и расходы по продажам – половина от этого сразу мне в виде аванса. Если что сверху, думаю, что брата не обманешь (конечно, обманет и глазом не моргнет).

Получив шелк на четыре рубахи и пять сотенных аванса на допрасходы, я вернулся к Генриху.

– Генрих, в общем, с нас краска – вот пять сотен аванса, можешь закупать реактивы и нанимать помощников. То, что продукт ядовит и работать надо в латексных перчатках под вытяжкой, ты и сам знаешь. А вот не будет ли ядовит шелк после обработки?

– Саша, после промывки и сушки я до утра спал на покрашенной ткани и, как видишь, жив.

Через неделю мы принесли Ивану краски на первые пять рулонов, затраты на краску оказались менее ста рублей, включая труд помощника-химика. Предварительные испытания с пробным куском показали, что краска ложится равномерно, не выцветает, не выгорает на солнце и не линяет при десятикратной стирке. Еще через неделю первая партия пошла в продажу. Через два дня я зашел в лавку. Снаружи висела огромная вывеска – «Привозной товар, ограниченное количество “Царьградский пурпурный шелк”, как у

византийского императора» (это я подсказал про «византийского императора» и рассказал историю про пурпур в древности). Перед лавкой толпился народ, с крыльца вещал Иван:

– Господа, расходитесь, через две недели будет еще привоз товара.

Увидев меня, Иван кинулся ко мне:

– Братец, давай еще краски, видишь, что творится!

– Да уж готово, по городу второй день слухи идут про волшебный шелк.

– Это точно, ко мне такие господа приезжали, что я ни разу и не видел, предварительно заказав все, что есть.

– Ну вот, я же говорил тебе, а ты не верил, а Генрих, тот сразу поверил…

– Так он ученый немец, ему виднее.

– Вот у нас всегда так, чуть что – «ученый немец», а своих пинаем… А ведь пурпур у нас лучше британского получился – темнее и насыщенней цветом. Сдается мне, что они нам или второсортный товар поставляют, или разводят краску вдвое. Вот, посмотри, – и я показал ему два лоскутка шелка: один более блеклый, другой насыщенно-пурпурный. – Ну и какой бы выбрал византийский император? То-то же. Давай тарантас, поедем за краской.

Когда Иван забрал бадейки с краской, Генрих спросил меня, как идут дела у брата.

– У него заказов на весь шелк, что остался, у лавки народ чуть не дерется.

– Саша, я вот текст привилегии составил, так чтобы ни реакция Перкина, ни Зинина прямо не просматривались (мы же их комбинируем). У Зинина, кстати, самый экономичный путь синтеза[12 - На конец девятнадцатого века это действительно так, сейчас анилина производится много и его восстанавливают водородом – это и есть современная промышленная технология, но на девятнадцатый век катализаторов реакции не было (реакция каталитическая).],

так что британцев в случае снижения ими цены мы можем давить ценой сами, а качество ты видел.

Из причитающегося мне куска шелка я заказал рубаху, ее уже сшили, надо будет забрать (деньги взял из 500 рублей аванса – это реклама, а она – двигатель торговли). После всех манипуляций с синтезом на руках Генриха осталось больше сотни: он мне отчитался в тратах письменно до копейки. Я передал остаток ему на другие работы, которые могут в будущем понадобиться, чтобы он не брал денег из семейного бюджета. С Ивана я рассчитывал получить еще минимум 2000 рублей, и он подтвердил, что как только продаст последний отрез шелка, тут же со мной рассчитается, причем сказал в присутствии свидетелей – Генриха и Лизы. Забрав рубаху, я вернулся домой, где меня ждал конверт с надписью «Его благородию Александру Павловичу Степанову».

Я распечатал конверт и услышал в голове Сашин голос: «Это почерк деда».

Ну вот, на ловца и зверь, то есть дед, бежит…

Из письма следовало, что дед ждет меня послезавтра на обед и пришлет к двенадцати коляску, но чтобы я не сообщал матушке и Ивану, куда поехал. Интересно, выходит, Лизе и Генриху можно?

На следующий день я обговорил с Генрихом детали визита. Явно дед заинтересовался шелком, только ленивый в городе еще о нем не слышал. Предложить ему выкупить привилегию? За какую цену?

– Генрих, мы партнеры, поэтому я предлагаю разделить гонорар в равных долях пятьдесят на пятьдесят процентов. Начнем торговаться с десяти тысяч, закончим на шести, меньше я не уступлю. Так что тебе будет тысяча с Ивана и три тысячи от привилегии.

– Тебе решать, Саша, за предложение спасибо, но ведь застрельщик дела – ты, тебе и доля должна быть больше. И что ты собираешься, если не секрет, делать дальше?

– Не секрет. Да ты уже знаешь, я хочу сделать лекарства от инфекционных болезней, в основе которых – то же бензольное кольцо, что и в феноле и в анилине. А второе – хочу сделать вычислительную машину для сложных

математических расчетов. Ты, кстати, не знаешь, сколько стоит простое телеграфное реле? Сименс вроде уже свой завод имеет в России. Или не зависеть от Сименса и наладить свое производство – вот на это и хочу положить свой гонорар. Финансировать же работы, а денег понадобится вдвое больше, буду через производство красителей и лекарств.

– Саша, ты, конечно, замахнулся на труднодостижимое. Но мне кажется, что у тебя получится. Вот и Лизхен говорит, что ты сильно изменился за месяц, не только окреп физически, у тебя блеск какой-то в глазах появился, прямо искры какие-то. И энергия через край бьет.

– Насчет искр – это точно, как приложился головой, так искры из глаз брызнули, вот до сих пор и бьют через край.

– Вот и смешинки всякие у тебя появились, а раньше был – бука букой. И вообще, какие-то необычные знания у тебя появились, вроде видишь обычные вещи, а по-другому, вот как с букетом получилось. И в химии разбираешься, а вроде в гимназии не блистал.

– Ну, это, наверно, тоже от удара по голове, иногда, говорят, и полезно бывает, удружил брат Ванечка. Хорошо, вот съезжу к деду, тогда обсудим дальнейшие наши действия.

Наутро я нарядился в тужурку и брюки, отглаженные накануне Глашей, надел начищенные штиблеты. Посмотрел на себя в зеркало в новой рубахе – прямо горит «царьградский» шелк. На голову – фуражку. Глаша оглядела меня:

– Неужто к барышне, барин?

– Точно, угадала, если дело выгорит, с меня – коробочка монпансье[13 - Леденцы в круглой жестяной коробочке – популярное лакомство мещаночек и курсисток.].

Взял сверток с остатком шелка и вышел на улицу. У дома ждала пролетка.

– Барин, ваше благородие, вы – Степанов Александр Палыч?

– Да, угадал, братец.

– Тогда садитесь, поедем.

И мы поехали к деду. Я ожидал увидеть какую-то избу со слюдяными окошками (шучу, конечно). Но увидел вполне приличный купцу первой гильдии двухэтажный особняк с большими окнами, но без архитектурных излишеств. Внутри в доме все было солидно и говорило о достатке хозяина.

Войдя в хозяйский кабинет, я перекрестился на икону старинного письма и поклонился деду. Дед вышел из-за письменного стола с какими-то бумагами и счетами:

– Здравствуй, Саша. Давно тебя не видел, экий ты молодец стал, прямо жених.

– Здравствуй, дед. – Я специально отказался от величания «Иван Петрович», сразу стремясь сблизиться. Если не удастся это, то не удастся, и весь разговор. Нет, прокатило. – Мне уже сегодня ты второй говоришь, что я на жениха похож.

– Это, Саша, от рубахи твоей знатной. Слух по всему городу прошел. Я уточнил, говорят, непутевому Ваньке брат краску особую привез, вот он и покрасил шелк, что у него залежался. Никто не брал – он его испортил неправильным хранением, а вот гляди – покрасил, и народ влет расхватал. Говорят, даже дрались за последние куски, оттого и захотелось узнать прямо от тебя.

– Вот, дед, тебе подарок, это такой же шелк, как на мне, от одного куска. А краску эту мы с Генрихом, мужем Елизаветы, сделали и назвали «Царьградский пурпур». Иван в гильдию задолжал, вот я ему и помог, не бесплатно, конечно, но он внакладе не остался. Еще десять штук шелка сейчас ему покрасят, а больше у него нет.

– Ну, спасибо за шелк, удружил. – Дед развернул сверток. – Прямо играет… А почему царьградский?

– Да любит у нас народ иностранное, а пурпур царьградские базилевсы императорским цветом почитали, на грамм краски несколько тысяч специальных ракушек уходило, поэтому очень дорогой была эта краска.

– Значит, ваше изобре?тение?

– Да, идея моя, а Генрих синтез краски сделал, химик он замечательный.

– И дальше что хотите сделать?

– Привилегию подать, а потом продать ее промышленнику, кто красками и тканями занимается. Вот тебе первому хочу предложить.

– И дорого возьмешь за сей «привилегий»?

– Для тебя – недорого, двенадцать тысяч. Или много?

– И что с деньгами делать будешь? Деньги, чай, немалые. Или на мамзелек спустишь да на кутежи? Братец твой да мой младший сынок Николаха охочи до таких дел оказались, еще и в картишки поигрывают, беса тешат.

– Нет, не на мамзелек и не на картишки, дед. На дело. Есть у меня идеи с химией – еще красители разные сделать, лучше иностранных, и на медицину – сделать лекарства от болезней. Таких лекарств еще нет, а только в России они спасут миллионы жизней, на войне пригодятся, солдат раненых без рук-ног не оставят, помогут выздороветь и полноценными работниками, а не калеками к семьям вернуться.

– Что же, дело богоугодное, вижу – изменился ты очень, повзрослел не по годам и держишься смело, хвалю. Что же, торговаться не буду, ни к чему это между своими, дам я тебе денег. Только уговор – с другими своими открытиями сперва – ко мне. И поможешь красильное дело наладить у меня на заводе. Красильщики у меня свои, опытные, но с новой краской не работали, так что все надо им объяснить.

– Хорошо, это мы с Генрихом сделаем. Дед, только и у меня условие – помоги с привилегией. Эту, для начала, можешь на себя оформить, если будут другие красители своего производства – тоже можешь на себя, но некоторые я попрошу оформить на себя, это еще не скоро, когда с лекарством разберемся. Красильное дело с новыми красителями мы тебе поставим, только и испытательная лаборатория нужна, не все же Генриха сюда гонять, у него своя аптека присмотра требует. Химиков тебе обучим, пусть ткани красят лучше привозных. Генрих посчитал, эта наша краска в десять раз дешевле привозной британской будет, а качеством лучше – вот, посмотри образцы, блеклая – это британская,

красивая – наша.

– А почему так? Разбавляют краску англичане, что ли?

– Может, и так, а может, потому, что у нас другой путь синтеза исходного продукта, русский химик Зинин, ученик Бутлерова, это открыл, а мы приспособили его реакцию к получению английской краски – вот тут в привилегии описан процесс, так что англичане придраться не могут, использован другой путь синтеза.

– Молодцы, что все предусмотрели!

– Дед, мы и испытания провели, та рубаха, что на мне, уже десять стирок самым плохим щелоковым мылом выдержала и не полиняла, и вреда от нее нет – Генрих спал на куске такой ткани, только полотняной, а не шелковой, да и я ношу – ничего не случилось.

– Ну просто не могу на тебя, Сашка, нарадоваться, спасибо, не подвел старика, хоть один вырос правильным, нашим, степановским. Ну, кроме отца твоего, царствие ему небесное. Сегодня же пошлю управляющего – пусть положит на твое имя в банке двенадцать тысяч, а то, если наличными дам, маменька твоя быстро все спустит на шляпки-тряпки. Завтра сам в департамент поеду с привилегией – у меня там ярыжка[14 - Чиновник.] прикормленный, сделает все, как надо. И если что, сразу ко мне, да и просто так заезжай, поговорить. Дорогу ты теперь знаешь, рад буду внука увидеть, да еще такого дельного. Ну, прощай пока!

Мы обнялись с дедом, и я отправился к Генриху.

Глава 7. Не все коту масленица, или Следствие ведут… не ЗнаToКи, не Колобки, а дураки

Едва подъехал к аптеке, как навстречу выбежала Лиза.

– Уже приходили, тебя искали. Ивана отвезли в следственное отделение, говорят, что шелк – контрабандный, мол, еще со времен отца припрятан, тогда не нашли, а сейчас Иван его решил продать. Царьградский-то ведь этот шелк, это мы знаем, что ты и Генрих покрасили обычный шелк и стал он «царьградским», а полиция вообразила, что это контрабанда, вот Иван в тюрьме, лавка опечатана, а шелк изъяли.

– Постой, так Иван сказал, что шелк еще красят, он и расплатиться обещал, когда продаст. И кто меня искал, неужели полиция или, не дай бог, жандармы?

– Обманул, значит, Иван, шелк уже покрашен и пошел в продажу, тут полиция и набежала, – сказала Лиза. – За Иваном приезжали чины московского уголовного сыска. А искала тебя маменька, чтобы ты Ивана выручал.

Не дав экипажу уехать, я поехал как можно скорее обратно к деду. Дорогой размышлял.

Да, ударно работали Ивановы красильщики, раз уже новая партия продается. Чуть-чуть братец не успел от завалов избавиться, у него же запись предварительная на весь товар была – бери и развози по клиентам и денежки собирай, сутки уже прошли, если бы вертелся, то и улик никаких бы не было. Неразворотливым купцом Иван оказался. А мне теперь отдуваться за дурака и лентяя. Ишь, оказывается, где братец целыми днями пропадает: мамзельки, пьянки, картишки. А дома жалуется, что денег нет, дела идут плохо, все кругом обманывают его, бедненького. Но что теперь делать, спасать надо дурака, а как?

– Что случилось, Саша? Забыл чего?

– Нет, дед. Беда у нас, Ивана уголовный сыск задержал, лавку опечатал и шелк забрал. – Я выложил все, что узнал от Лизы.

– И что ты хочешь от меня?

– Совета. Я собираюсь сейчас ехать в полицию и сделать официальное заявление под протокол, что краску для шелка сделали два русских изобретателя – Александр Степанов и Генрих Циммер, георгиевский кавалер и дворянин. Этой краской мы покрасили пятнадцать штук шелка для моего брата. Еще я потребую

как юрист (ведь я не только химик-любитель, а дипломированный юрист) встречи с моим братом-подследственным. А то еще они запугают Ивана, и он сдуру подпишет какие-нибудь бумаги. Хотя потом можно опротестовать такие показания, заявив, что они сделаны под давлением. Ничего у полиции на Ивана и тем более на меня нет. Зато у нас есть свидетели, которые красили шелк, так что никакой контрабандой тут и не пахнет. А то, что назвали шелк «царьградским», так у нас каких только названий нет – и гостиница «Берлин», и варьете «Парижский шик», и трактир «Венеция» – никто же не станет утверждать, что в этих заведениях все как в Берлине, Париже или Венеции. А царьградский пурпур оттуда и пошел, как цвет императорский, базилевса Византии. Еще я хочу привлечь журналистов-щелкоперов из «Московских ведомостей», «Биржевого вестника» и еще откуда-нибудь. Пусть напишут, как в угоду иностранцам затирают русских изобретателей-патриотов, сделавших продукт лучше привозного. Это даже полезно будет с точки зрения рекламы – тысячи людей узнают про товар.

– Вроде все дельно придумал. А я, в свою очередь, поеду с привилегией, где укажу твое имя и попрошу зарегистрировать ее вчерашним днем. А ты потом напишешь бумагу, что передаешь права по привилегии мне вплоть до моей смерти, а потом опять становишься владельцем всех прав, и всё подпишем вместе у нотариуса. По поводу щелкоперов – это мои люди сделают, так что, как только ты появишься у следственной части, там уже тебя будут ждать газетчики. Тем более при них никто тебя и пальцем не тронет.

Так и порешили. Приехав в следственную часть, я представился и сказал, что хочу сделать письменное заявление по делу о задержании Ивана Павловича Степанова, купца второй гильдии и почетного гражданина.

Появился полицейский с серебряными погонами титулярного советника[15 - Полицейские, в том числе и служащие по уголовному сыску, имели гражданские чины, правда обожали, когда их величают офицерскими званиями. Так что погон серебряного цвета с одним просветом и малиновой выпушкой был у титулярного советника полиции, и такой же, только с золотым полем, у капитана или ротмистра в армии. Впрочем, в казачьих войсках тоже были серебряные погоны, но только уж совсем тупой обыватель мог спутать казачьего есаула с полицейским чином или с гражданским чиновником, например, медицинской службы, тоже носившим серебряные погоны.] по полицейскому ведомству:

– Я веду дело вашего брата. Что вы имеете заявить?

– Прошу принять заявление о незаконном задержании указанного лица, без доказательств, улик и свидетельских показаний, – сказал я титулярному советнику. – Дело в том, что я не только дипломированный юрист, а химик-изобретатель и вместе с магистром фармации Генрихом Циммером, дворянином, православным и георгиевским кавалером за турецкую войну, изобрел пурпурную краску для шелка, которой и покрасили шелк для моего брата Ивана Павловича Степанова, купца второй гильдии и почетного гражданина. Так что шелк этот никакой не контрабандный, а московского изготовления, в чем имеется не менее десятка свидетелей. Здесь все подробно описано, прошу вас, господин титулярный советник, расписаться на втором экземпляре, а первый приобщить к делу. Также требую немедленного освобождения из-под стражи незаконно задержанного, снятия ареста с лавки и возвращения незаконно изъятого товара.

– Юноша, неужели вы думаете, что я выполню ваши бредовые условия? – усмехнулся титулярный.

– Я вам не юноша, а дипломированный юрист, защищающий от полицейского произвола почетного гражданина Российской империи, – заявил я. – Посмотрите в окошко.

– Кто эти люди? Зачем здесь фотограф?

– Это журналисты ведущих московских изданий, и им не терпится заработать на сенсационном материале, как затирают российских патриотов, которые изобрели продукт лучше иностранного, а кто-то старается не дать передовой русской науке превзойти иностранцев. Или за это кто-то заплатил? Коллега, вы ведь, надеюсь, тоже юрист и понимаете незаконность ваших действий. Зачем вам портить себе карьеру? Пусть будет суд, мы покажем, как делаем краску, сравним с иностранным образцом и покрасим ткань. А вы сравните ее с найденным в лавке шелком – пусть он пока остается в качестве вещественного доказательства, хотя бы рулон, надеюсь, приставы не пошьют из него себе рубах? Подследственного определите под подписку о невыезде, снимите с лавки арест. На каком, кстати, основании вы это сделали? У вас есть предписание прокурора? Конечно же нет, потому что никакой прокурор через такие предписания лишаться места не станет. Так что освобождайте купца и снимайте арест, иначе получите встречный иск об ущербе торговле и причинении убытков. Вы же не хотите оплачивать убытки из своего кармана?

Ошарашенный таким напором, титулярный молчал и только открывал рот. Потом он налил себе стакан воды, залпом выпил, как водку, и произнес:

– Забирайте своего брата, и чтобы духу вашего здесь не было, изобретатели.

Он позвонил, вошел городовой, титулярный сказал ему что-то, и через пару минут появился испуганный Иван.

– Да, а заявление мое подпишите и приобщите другой экземпляр к делу.

– Не будет никакого дела, – сказал титулярный и порвал бумаги. – С лавки печати снимут и шелк ваш вернут.

– Спасибо, господин советник, только будет лучше, если мы вместе выйдем из отделения и вы скажете журналистам, что по навету был задержан честный купец. Но следствие во всем разобралось и освобождает его. А дальше я поблагодарю вас, как сторонника прогресса и цивилизации, настоящего патриота, от лица русских изобретателей. Думаю, что так всем будет лучше, а то эти журналюги – акулы пера придумают небылиц, по своему обыкновению.

Так оно и случилось. Едва наша троица показалась на крыльце, тут же пыхнули пара магниевых вспышек (я заранее оскалился), и десяток журналистов стали наперебой кричать:

– В чем вина купца? Правда ли, что он торговал контрабандным товаром из Царьграда? Говорят, что шелк сделали два русских химика?

– Господа, успокойтесь, – сказал я. – Вины купца второй гильдии и почетного гражданина никакой нет, шелк был покрашен в Москве и не является контрабандным товаром из Царьграда. Кстати, Царьграда тоже нет, есть пока только Стамбул. Русские химики, одним из которых являюсь я, сделали не шелк, а краску для шелка красивого пурпурного цвета. Цвет этот имели право носить только царьградские базилевсы, пурпур был очень дорог, поэтому пурпурный шелк и назвали «царьградским», но, если хотите, мы переименуем его в «русский». Англичане сделали химический пурпур, но мы, русские изобретатели, превзошли их, используя передовую русскую науку. Наша краска более красивая, в чем многие имели честь убедиться. Вот и сейчас рубаха на мне из этого шелка, а то, что краску сделали мы, могут подтвердить не менее десятка

свидетелей. На краску подана заявка на привилегию. Наша доблестная полиция оперативно провела следствие и установила невиновность купца. Интересно было бы узнать, кому выгодно затирать русских изобретателей, или это обычная зависть конкурентов к удачливому купцу – оговорить его и сломать его дело? Вот вам тема для журналистского расследования: кому выгодно затирать русских предпринимателей, негоциантов и изобретателей? Не правда ли, господин советник? – обратился я к титулярному советнику.

– Да, это правда, – выдавил из себя чиновник, покраснев как рак, – купец не виноват, а наши русские изобретатели в очередной раз англицкую блоху подковали.

Мы наняли извозчика и поехали домой.

По дороге братец Иван, вместо того чтобы благодарить, стал упрекать меня в том, что я рекомендовал ему назвать шелк «царьградским», и из-за этого его чуть на каторгу не упекли. Возразил ему, что все, что я сказал для его освобождения, а именно, что шелк покрасили русской краской и красильщики сделали это в Москве, мол, допросите свидетелей, – он мог бы сказать и сам. А то, что у него документов на товар нет – так это его вина, любой может обвинить его, что товар краденый, и ничего с этим не поделать. Где бумаги-то, купец? И, вообще, гони деньги сейчас, оказывается, товар давно покрашен и продавался, а ты мне заливал, что его только красят. Нажился на мне, а еще брат называешься… Всё, гони две тысячи целковых, и разбежались, гонорара за защиту не прошу, а надо бы, аванс учтен при расчете. Попрошу наличными и сегодня! И не надо заливать, что товар не до конца продан, ты, может, специально решил последний аршин придержать, а так уже пять раз на мне цену своего шелка отбил и давно в прибыли, даже с непроданным остатком.

– А ты откуда знаешь? – открыл рот простодушный Ваня.

– Сорока на хвосте принесла. В полиции сказали. Так что, если мне задержишь оплату, я им скажу, что выгородить братца хотел, а так контрабандный шелк-то, документов нет, вот и решили покрасить, чтобы замаскировать и быстро продать. Так что пойдешь ты, любезный братец, по Владимирке, гремя кандалами, аж на остров Сахалин. В общем, так, жду денег до вечера, а потом не отвечаю… В полиции с тебя больше стрясут – сумму-то они знают.

Кто не спрятался – я не виноват.

По возвращении домой на меня набросилась маман, ругая последними словами.

Из потока слов выходило, что я подбил на аферу простодушного Ваню и довел его до тюрьмы. Что я неблагодарная скотина и сколько со мной ни возятся, толку от меня нет. Службу я потерял, работать не хочу, нового места не ищу и сижу у нее на шее. Генрих, немчура проклятая, сбил меня с толку, и я с ним занимаюсь подозрительными опытами, и она не удивится, если выяснится, что я связался с бомбистами.

Я не стал говорить ни слова в свое оправдание, прошел к себе в комнату и, не раздеваясь, лег на постель. И где Шурка, что-то ни при визите к деду, ни в полиции я его не ощущал и он никак себя не проявлял, сидел тихо, как мышь под веником. А ведь мог бы помочь в разговоре с полицейским, а так это был только мой экспромт, и не уверен я, что здесь можно было бы опротестовать дачу показаний под давлением и отказаться от них в суде. Где была юридическая поддержка? Тут я сообразил, что чувствую какое-то всхлипывание в голове.

– Саша, ты что, плачешь?

– Зачем они так, шеф?! Я ведь все знаю! Вы правильно все делали, я бы так не мог, и у деда, и в полиции. Но я никогда не думал, что Иван, а особенно матушка так поступят – обвинят меня во всех грехах, хотя сами не безгрешны, совсем наоборот. О том, что Иван гуляет и проматывает деньги, я догадывался. О том, что матушка живет совсем не по средствам – тоже. Но дать мне пятачок на свечку, когда я все деньги, до копейки, отдавал ей – это слишком. Она на свои наряды десятки рублей тратит, а то и сотню в месяц может отдать, не задумываясь. После того как дом и лавки продали, деньги утекли как сквозь пальцы, и не на долги, там меньшая часть была, а большая часть вырученных от продажи денег – вообще неизвестно куда делась. При этом прислуге уже за полгода не плачено, а там на двоих всего-то десятка в месяц при столе и жилье, а что за жилье, ты и сам знаешь – темный чулан. В продуктовой лавке, у булочника, мясника и молочника – везде мы должны, все берем под запись. Выезд свой держим, как же, неуместно купцу второй гильдии ездить на извозчике. А Генриху, магистру, дворянину и кавалеру, значит, уместно? Как же, Иван – второгильдейский купец, а взнос в гильдию отдавать нечем. Да вы с Генрихом просто вытащили из долгов Ивана, у него нечем платить не только

взнос, но и приказчикам, и на закупку нового товара денег нет. И шелк-то, действительно, то ли краденый, то ли контрабандный, поэтому и бумаг на него нет никаких. Но это не отцовский, как думали полицейские, Иван его позже купил по дешевке, это он так сказал, что потратил полторы тысячи, там если треть от этого за краденый-то шелк и была. Вот Иван купил его задешево, а продавать боялся, припрятал и испортил – пожелтел он, и если бы не покрасить, то без бумаг его лучше было бы просто сжечь, чтобы не попасться. Но Иван, он – жадный, и как ты предложил покрасить, да еще так красиво, он и ухватился сразу обеими руками, недаром сразу пять сотен аванса отвалил. Я такого даже не ожидал, видать, крепко его приперло, даже не с долгом в гильдию, это так, отговорка. У него все дело разваливается: из последних, наверно, денег дал – за соломинку ухватился, как утопающий. И нет бы век быть благодарным, он еще орать стал на тебя и обвинять во всем, когда ты из тюрьмы, считай, его вытащил, а не просто из долгов.

– Вот тебе и раз! Вот это скандал в благородном семействе. Я, значит, спасал торговца краденым, помогая ему сбывать товар. Саша, а предупредить меня раньше ты не мог? Мы ведь тоже рисковали, а за что, вернее, за кого – за дурака Ивана?

– Мне Ивана было жалко…

– А теперь жалко?

– Теперь – нет.

Тут, легок на помине, появился Иван с мрачной физиономией и, не говоря ни слова, бросил на стол пачку «катенек»[16 - Сторублевая купюра с изображением Екатерины Второй.].

– Две? – Иван кивнул.

– Пересчитывать не буду, но больше дел с тобой не веду, – сказал я решительно.

Иван вышел, а я пошел на кухню, есть очень захотелось.

– Глаша, у нас что-то поесть осталось?

– Сейчас согрею, барин. Идите пока в столовую, я сей минут подам закуску. Может, водочки выпьете, на вас лица нет.

– Да, пожалуй.

Я сел, и через минуту Глаша принесла запотевший с ледника графинчик, тарелочку с нарезанным огурчиком и ветчиной.

– Сейчас щи поспеют, закусите пока, барин.

– Спасибо, милая Глаша.

Я налил рюмку и выпил, но ни вкуса водки, ни расслабляющего действия не почувствовал.

Расслабиться не дала маман. Она влетела в столовую и начала истерить:

– Я места себе не нахожу, а он водку пьет! Иван мне сказал, что вручил тебе две тысячи рублей – изволь отдать их мне сейчас же.

– И не подумаю. Из этих денег я еще должен половину Генриху отдать и рассчитаться с мастерами.

– Александр, как ты говоришь с матерью! Никакого Генриха, мы бедствуем, и ни с кем я делиться не буду.

– Бедствия наши связаны с неумеренными вашими и братца тратами, и если вы не умерите аппетиты, то скоро разоритесь вконец, – заявил я этой обнаглевшей и в общем-то чужой мне «матушке». – Если нужны деньги – возьмите у Ивана, он на мне не меньше пяти тысяч чистыми заработал и еще тысячи полторы-две заработает на остатке шелка. Только будьте поумереннее в своих покупках и не давайте Ивану играть в карты – а то он последнее профукает. А Генриха я не могу оставить без вознаграждения – он честно заработал свою половину.

– Ах так, какой-то немчура тебе дороже родной матери! Ну и убирайся вон из моего дома!

– Видимо, придется последовать вашему совету, матушка. Через час меня здесь не будет.

Я пошел к себе, быстро собрался, покидав в старый чемодан свой нехитрый скарб.

Через полчаса я уже звонил у входа в аптеку, дверь почему-то была закрыта.

Глава 8. Вроде все хорошо, но на самом деле плохо

Я продолжал крутить ручку звонка, лихорадочно соображая, что случилось с Генрихом. Тоже забрали? Но лавка не опечатана, просто дверь закрыта и надпись – «прошу звонить», значит, кто-то есть внутри. И правда – дверь отворилась, и я увидел Прохора (аптекарского помощника).

– Ваше благородие, господина магистра и Елизаветы Павловны нет. Господин магистр уехал, и его два часа не было, потом Елизавета Павловна послала меня к вам. Ваш братец сказал, что вы вернулись, но выйти не можете, так как находитесь у матушки. Я вернулся в аптеку, сказал, что вы с братцем вашим дома, а тут Елизавета Павловна собралась, вышла на улицу, остановила извозчика и уехала, наказав мне следить за аптекой, а дверь закрыть и чужим не открывать.

– А что же ты мне открыл?

– Так я вас знаю, увидел в зеркальце – тут у нас хитрое зеркальце на стене закреплено, видно, кто пришел.

– Куда же уехала Елизавета Павловна?

– В полицию, искать господина магистра.

– Давно уехала?

– Где-то час назад.

Вот ведь времечко, позвонить бы сейчас по мобильнику. Мне, кроме того, что Генриха и Лизу надо найти и остановить от каких-либо действий, еще и деда надо проинформировать. А о чем информировать-то? Что ничего с Генрихом не ясно? Срочно надо ехать опять в следственное отделение.

– Вот что, Прохор, возьми чемодан и спрячь пока. А я поехал в следственное отделение. Да, постой, не разменяешь ли сотенную?

Прохор ушел и вернулся с тремя бумажками и горстью мелочи.

– Нет, ваше благородие, в кассе только 12 рублей и 53 копейки.

– Хорошо, бери сотенную в залог и давай все мне.

Я распихал мелочь по карманам и пошел ловить извозчика. Довольно быстро подрядился за четвертак, благо ехать недалеко и в центр, посмотрел на монетки. Был рубль, полтинник и три четвертака с профилем императора, похожим на рубль «100 лет Ленину», только серебряные, четыре двугривенных, два пятиалтынных[17 - 15 копеек.], три гривенника, тоже все серебряные, но потоньше и с двуглавым орлом, и несколько медных монеток от копейки до пятака с орлом. Бумажки в пять рублей – синяя, три рубля – зеленая и коричнево-желтый рубль. Цветовая гамма в целом соответствовала советским деньгам, но бумажки были в три раза больше.

Пока я рассматривал монетки, доехали. Вошел в присутствие, спросил, нет ли тут господина фон Циммера. Дежурный ответил, что да, был какой-то немчик, шумел много, хотели его забрать, так выяснилось, что он дворянин и георгиевский кавалер, и забирать не стали. Он все кричал, что до полицмейстера дойдет, ну и уехал. Тут с час назад его какая-то барыня искала, ну я ей тоже сказал, что он, наверно, на Пушкинском бульваре, напротив Богословского переулка – там резиденция обер-полицмейстера.

Так, поехали на Пушкинский, подъехав к дому, я увидел запертые ворота и дворника.

– Не велено никого принимать, господин обер-полицмейстер в Аглицком клобе, – упиваясь своей властью, ответствовал дворник.

Ну вот, теперь на Тверскую, и у ворот клуба (это там, где теперь Музей революции) увидел стоящих Генриха с Лизой, дожидающихся выхода главного полицая (в клуб их, естественно, не пустили).

У меня отлегло от сердца – вдруг бы Генриха упекли, да еще по приказу обер-полицмейстера, тут уж никакого моего нахальства не хватит. Все-таки наивные люди здесь живут: уповают на справедливость начальства, верят всему, что сказано с апломбом. Может, замутить финансовую пирамиду с Леней Голубковым[18 - Герой рекламы МММ Мавроди, если кто не знает: «Куплю жене сапоги» и «Мы – партнеры».] и вовремя сбежать в Америку?

– Генрих, почему ты не уехал домой, раз Лиза сказала, что нас отпустили?

– Меня оскорбили в участке, меня, дворянина, хотели отправить за решетку якобы за оскорбление полиции.

– Генрих, поехали домой, ты устал и можешь натворить глупостей. Мы еще им отомстим, и они за честь будут считать знакомство с нами, и мы будем решать, принимать их у себя или нет. Месть – это блюдо, которое должно подаваться холодным, а ты сейчас разгорячен, возбужден и в таком состоянии опасен сам для себя.

Тут подвернулся извозчик, и мы поехали на Полянку. Выгрузив супругов и строго наказав Лизе налить Генриху, да и себе, чего покрепче, накормить и уложить отдыхать, я поехал к деду – надо успокоить старика, а то мало ли какие слухи до него дойдут.

Приехав к деду, застал его не отдыхающим после обеда, а в кабинете с докладывающим ему управляющим. Дед спросил, обедал ли я сегодня, услышав, что нет, вызвав слугу, велел накормить меня как дорогого гостя, в столовой. После разговора с управляющим дед сам ко мне придет.

Обед был простой, русская кухня, но очень достойный. От предложенного графинчика я отказался, не берет меня здесь водка, она только на Сашку действует (он, кстати, затаился, переживает, наверно, и знать о себе не дает).

После сытных щей из кислой капусты и говяжьих битков с пирожками я почувствовал полное насыщение и попросил чаю. Только принесли самоварчик, появился дед.

– Вот это ты хорошо придумал, и я попью чаю с тобой. Давай, рассказывай о своих приключениях. Кое-что о том, как ты осадил полицейского чинушу и вытащил Ивана, я уже знаю. И о речи на крыльце управы знаю, завтра в газетах будет. А дальше-то что?

– Дальше я Генриха поехал искать, он ведь, как я к тебе поехал, сразу в полицию бросился, ну там его чуть не посадили. Хорошо, что когда он волнуется, то плохо говорит по-русски, там никто не понял, что это к «царьградскому делу» относится. Мол, немец бузит, ругается, давай его за решетку, чтобы не шумел, ну и наподдали немного. А он ведь свой солдатский георгиевский крестик нацепил, стал кричать, что он дворянин и бить его нельзя[19 - Ни георгиевских кавалеров, ни дворян бить никому не позволялось, ни полицейским, ни жандармам.]. Ну его вроде отпустили, а он поехал жаловаться к полицмейстеру. А когда он уехал, то в это время я и журналисты подкатили, Ивана освободили, и мы поехали домой. Когда домой приехали, то помощник Генриха из аптеки пришел и узнал, что все в порядке, но ко мне его не пустили, я как раз с Иваном и маман ругался. Елизавета поехала разыскивать Генриха, думая, что его забрали. Тут я появился в аптеке и поехал за Циммерами, пока Генрих у полицмейстера чего не начудил. В общем, я их нашел у Английского клуба, где прохлаждался полицмейстер, забрал и вернул на Полянку, а потом поехал к тебе сообщить, что все в порядке.

– О чем же ты ругался с Иваном и матерью?

– Иван не хотел отдавать две тысячи рублей, из которых половина причиталась Генриху за работу по получению красителя – он помощника нанимал и на реактивы потратился, да и сам здоровьем рисковал: краска-то сама неядовитая, а вот промежуточные продукты ядовиты, дышать ими нельзя и брать голыми руками тоже. Так что деньги свои он честно заработал. А мать сказала, что знать не знает про Генриха, семья сейчас живет, плохо, поэтому делиться она ни с кем не будет и потребовала немедленно отдать все деньги ей (Иван принес мне две тысячи, но тут же пожаловался матери). Я ответил, что если нужны деньги, пусть возьмет у Ивана – он на нашем крашеном шелке около пяти тысяч прибыли поимел, да еще остаток шелка тысячи на полторы в лавке (полиция все вернула). И вообще, давать мне пятачок на свечку в церкви за выздоровление, а

самой тратить десятки и сотни рублей на обновы – это как-то нехорошо. Я ей в глаза не стал пенять, просто посоветовал быть более экономной и не давать Ивану играть в карты, а то они пойдут по миру. В итоге маман сказала, что если я не отдам ей деньги и мне немчура дороже матери, то лучше мне идти к нему. Я собрал чемоданчик и пошел к Генриху. Дверь мне открыл его помощник, я оставил у него чемоданчик, а остальное я тебе уже рассказал.

– Да, нехорошо с матерью получилось, ну да Бог тебе судья. Ты там что-то про выздоровление сказал? Так ты болел?

– Да, братец отвесил мне затрещину, я упал и ударился о косяк, полдня пролежал без сознания, потом месяц восстанавливался. За это время я потерял место помощника поверенного, в чем мне тоже попеняли и сказали, что сижу, мол, на шее. Лиза меня выходила, и Генрих все время заходил, вот они по очереди и дежурили, кормили меня с ложечки. А маман только три раза и появилась… Мол, Лиза все правильно делает, справляется, вот и хорошо. Иван тоже хорош, первые сутки все молился, думал, что я помру и его упекут, обещал любых докторов и санатории оплатить, а в результате последние полмесяца я его вообще не видел, и Генрих с Лизой расплачивались с доктором сами.

– Вот как, оказывается, тогда понятно, почему ты ушел из дома. Странно только, что ты после всего этого помогал Ивану продать залежалый товар.

– Как же, дед, хоть плохонький, но ведь брат. Меня только последнее возмутило, когда вместо того, чтобы поблагодарить за то, что я его из тюрьмы буквально вытащил, он орать на меня стал.

– И куда же ты теперь? Что делать будешь?

– Да к Генриху попрошусь на квартиру, небось, не откажет. А что делать, я тебе уже рассказал, и мы вроде договорились: для начала обучим твоих людей обращаться с краской – только скажи, когда и где. Будем экспериментировать с другими красителями, если получится – то сразу к тебе. Попробуем найти подходы к синтезу лекарств, надо познакомиться с химиками и врачами. Вот такие ближайшие планы.

– Да, я все понял. Буду готовить новую красильню и дам мастеров хороших. Думаю, через неделю скажу, когда и куда приехать. Деньги, двенадцать тысяч,

уже на твоём счету в Купеческом банке. Привилегию с твоим именем я отдал на рассмотрение, зарегистрировали вчерашним числом. В Департаменте сказали, что заявка грамотно составлена, вопросов не будет и через полгода привилегия будет готова. Можно было бы быстрее, но подписывать будут в Петербурге, а туда таких бумаг пакет на подпись готовят, даже за деньги никто с одной привилегией не поедет, это только привлечет ненужное внимание.

Потом мы чаевничали с дедом, ели вкуснющее варенье из крупного золотистого крыжовника с кусочком грецкого ореха внутри – дед назвал его «царским». Тут я вспомнил про бренд «Царьградский» и предложил деду заменить на «Русский пурпур» – мол, надо воспитывать у потребителя любовь к отечеству, а не низкопоклонство перед иностранщиной, и вопросов с контрабандой не будет. Русский товар – значит, лучший. Поскольку для практически всех красителей, с которыми мы сейчас начнем работать, есть немецкие прототипы – немцы уже здорово продвинулись с анилиновыми красителями, то будем создавать русские аналоги, не уступающие импорту и существенно более дешевые. Пусть они будут под зонтичным брендом «Русский» с прибавлением фабрики Степанова, то есть – «Русский пурпур фабрики Степанова», «Русский индиго фабрики Степанова» и так далее.

– Это, Сашка, ты хорошо придумал, сразу видно – купец, – одобрил дед.

Знал бы дед, что, повертевшись двадцать лет на русской фармацевтической фирме, бывший подполковник много чего набрался не только в программном скрининге новых молекул, но и в маркетинге. Фирма была одна из немногих, что имела свой R&D, то есть отдел научных разработок, создав как-то препарат, превосходящий зарубежный оригинальный, но на беду этот зарубежный препарат лоббировали на самом верху, и фирма погрязла в бесконечных придирках к клиническим испытаниям, хотя все было сделано по международным стандартам – Андрей Андреевич сам рассчитывал мощность выборки и необходимую статистику при «слепых исследованиях» и был уверен в надежности отечественного препарата, но Минздрав продолжал закупать за рубежом дорогущий аналог. Патент там был ни при чем – технологи обошли патент, изменив структуру молекулы без потери эффективности и даже с большей безопасностью для пациентов. А потом дорогой зарубежный препарат стали фасовать в России, и он стал как бы своим, и ограничения на импорт его уже не касались.

Вот так, уже под вечер, наш герой отправился к Циммерам. Лиза ждала его возвращения.

– Саша, Прохор передал мне твой чемодан и сторублевку. Что случилось, почему ты не поехал домой?

– Лиза, я ушел из дома, – и я подробно рассказал тете о случившемся.

– Да, с Иваном я подозревала, что так кончится, но матушка, неужели она так и сказала?

– Лиза, я передаю тебе все слово в слово и ничего не утаиваю.

– Хорошо, давай ложись спать, утро вечера мудренее, завтра поговорим. Может быть, матушка погорячилась и завтра пришлет за тобой или сама придет.

– Если бы это было так, она уже дала бы знать.

Мне постелили в кабинете на широком кожаном диване, вроде такие назывались «оттоманки» – если снять подушки, то почти двуспальный. Над диваном был ковер с турецким оружием в серебре: пистолеты с затейливой насечкой, ятаганы с костяными рукоятками и дамасским синеватым клинком в узорах кованой стали. Здорово, но вот если ночью такая штука на голову упадет? Может, тогда обратно забросит? Но я как-то здесь прижился, проникся духом эпохи, а там опять хрущоба и «ковидла». Нет, не хочу обратно, лучше я этот мир изменю к лучшему, может, и мой изменится?

Тут я ощутил, что Шурка не спит и ему плохо.

– Эй, Шурка, что с тобой? Тебе плохо?

Я понял, что он беззвучно плачет, как маленький обиженный ребенок. Все же он совсем еще мальчик, и мне стало его жалко до слез. Вот не хватало еще мне заплакать…

– Шеф, спасибо за все, и за сочувствие тоже. Но я чувствую, что я здесь лишний…

– Что ты, мой хороший. Все будет здорово, мы с тобой еще увидим небо в алмазах!

– Нет, я никому не нужен. Как же так, мама…

Я понял, что он переживает предательство близких, случившееся, может, первый раз в жизни.

– Ну как же, Лиза в тебе души не чает, Генрих любит и я. Дед, опять же, сменил гнев на милость.

– Деду понравился не я, а ты, твоя смелость и ум. А я… я решил уйти!

– Как же так, я не могу без тебя, ты мне нужен!

– Все мои навыки останутся с вами, шеф, я уже проверил – отключился, но немецкий вы не перестали понимать. Значит, и все остальные мои знания, хоть и немногие, сохранятся.

– Постой, Шурка, не уходи. Что ты, мой маленький, я уже свыкся с тобой, с нашими разговорами, ты мне как сын, я ведь там, в будущем, был уже стариком, как раз никому не нужным и больным. Со мной, может, впервые за последние десять лет так много разговаривал близкий мне человек, мое второе я, так что я свыкся с тобой, не уходи, пожалуйста, прошу тебя!

– Нет, шеф, я уже решил.

– Но ты вернешься?

– Не знаю, я не пробовал вернуться издалека, но, может, это и возможно. Знаю, что в ближайшее время мне надо побыть одному, не меньше года или двух. Прощай!

И я понял, что остался один…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Немецкие химические и фармацевтические гиганты, дожившие до нашего времени. Байер – еще один из них.

2

Хронос (греч.) – бог времени.

3

Нистагм – движения глаз в виде подергиваний. Бывает физиологическим и патологическим – например, при травмах головного мозга. То, что его нет при обычных движениях – норма.

4

Антип назвал Лизу барышней, а не барыней, так как помнил ее молоденькой девушкой, а барыня для него – это жена хозяина дома (или мать наследника, пока он не женат).

5

Гарднер – владелец фарфоровой мануфактуры, ценился выше мануфактуры Кузнецова, изделиями которой чаще владели купцы, а гарднеровский фарфор, более тонкий и изящный, покупали преимущественно дворяне. Здесь подчеркивается то, что отец Саши стремился к более современному и богатому быту для семьи.

6

Овчинников – серебряных дел мастер и ювелир, поставщик двора ЕИВ (наряду с мастером Сазиковым, братьями Хлебниковыми и Фаберже), как поставщик ЕИВ имел право на клеймо в виде двуглавого орла.

7

Машина Штибица (или Стибица) из двух реле.

8

Крылатая фраза из двадцать первого века.

9

Международное право промышленной собственности регулировалось Парижской конвенцией 1883 года, но Саша этого не знает. Тем более, там все очень расплывчато насчет химии и синтетических красителей и лекарств. В России привилегии выдавались по закону еще времен Александра Первого, причем заявки писались произвольно, даже просто на открытие таким-то купцом красильной мастерской (и это была «привилегия»), к 1870 году была преобразована форма рассмотрения заявок, теперь привилегии выдавали министерства по принципу соотнесения профиля министерства с темой изобретения.

10

В это время доклинические и клинические испытания еще не были регламентированы. Все решало мнение и рекомендации врачебного сообщества.

11

Поскольку Генрих был вольноопределяющимся, то имел права нижнего чина. Спасение офицера – достаточный повод для награждения знаком ордена в виде серебряного крестика на георгиевской ленте. Не путать с офицерским орденом Св. Георгия – это золотой крест с белой эмалью и финифтяным медальоном.

12

На конец девятнадцатого века это действительно так, сейчас анилина производится много и его восстанавливают водородом – это и есть современная промышленная технология, но на девятнадцатый век катализаторов реакции не

было (реакция каталитическая).

13

Леденцы в круглой жестяной коробочке – популярное лакомство мещаночек и курсисток.

14

Чиновник.

15

Полицейские, в том числе и служащие по уголовному сыску, имели гражданские чины, правда обожали, когда их величают офицерскими званиями. Так что погон серебряного цвета с одним просветом и малиновой выпушкой был у титулярного советника полиции, и такой же, только с золотым полем, у капитана или ротмистра в армии. Впрочем, в казачьих войсках тоже были серебряные погоны, но только уж совсем тупой обыватель мог спутать казачьего есаула с полицейским чином или с гражданским чиновником, например, медицинской службы, тоже носившим серебряные погоны.

16

Сторублевая купюра с изображением Екатерины Второй.

17

15 копеек.

18

Герой рекламы МММ Мавроди, если кто не знает: «Куплю жене сапоги» и «Мы – партнеры».

19

Ни георгиевских кавалеров, ни дворян бить никому не позволялось, ни полицейским, ни жандармам.

Купить: https://tellnovel.com/podshivalov_anatoliy/gospodin-izobretatel

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити